

[Polaris]

Валерий Язвицкий

ГОРА ЛУННОГО ДУХА

(Побежденные боги)

Затерянные миры
Том XIII

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CVII

Salamandra P.V.V.

**Валерий
ЯЗВИЦКИЙ**

ГОРА ЛУННОГО ДУХА

(Побежденные боги)

Затерянные миры
Том XIII

Salamandra P.V.V.

Язвицкий В. И.

Гора Лунного духа (Побежденные боги): Фантастический роман (Затерянные миры. Т. XIII). Послесл. В. Барсукова. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2015. – 120 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CVII).

Экспедиция смелых ученых открывает затерянную в Африке страну с мрачным храмом, кровожадными жрецами и сладострастными красавицами. Молодой русский эмигрант Пьер Сорокин, которому уготована роль «бога-спасителя» забытого мира, намерен дорого продать свою жизнь...

Роман В. Язвицкого продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций произведений, которые относятся к жанру «затерянных миров» – старому и вечно новому жанру фантастической и приключенческой литературы.

© Author, estate, 2015

© V. Barsukov, послесловие, 2015

© Salamandra P.V.V., оформление, 2015

ИИ ЯЗЫЦКИ

ГОР
ЛУН
НОГО
ДУХА

РОМАН

ГОРА ЛУННОГО ДУХА

(Побежденные боги)

Фантастический роман

*Посвящаю эту книгу
Варваре Алексеевне,
верному спутнику
по дорогам жизни.*

Автор.

I.

Возвращение из Абиссинии известного немецкого путешественника, Рихарда Фогеля, всколыхнуло всю Европу. Экваториальная Африка снова приковала к себе внимание всей читающей публики, как во время Ливингстона и Генри Стэнли. Это, случайно возникшее, африканское увлечение усиленно разжигалось и раздувалось прессой, что, впрочем, было вполне понятно при создавшейся в это время обстановке.

Годы затишья, наступившие после мировой войны и революции, не давали ничего сенсационного читателю, привыкшему жадно глотать известия с разных фронтов. Правда, газеты изощрялись во всякой фантастике насчет Советской России, но все эти изощрения были до того нелепо сострепаны, что надоели очень скоро. Землетрясение в Японии заинтересовало и взволновало мир не более, как на две недели, и унылый читатель опять стал углубляться только в отдел биржи и хронику происшествий.

Понятна поэтому и та горячка, какая началась в европейской печати, когда в берлинских газетах появилось экстравагантное интервью Рихарда Фогеля. Это свалилось, как снег на голову. В Берлин отовсюду понеслись специальные корреспонденты, и Африка, и сообщения Фогеля заполнили весь мир.

Рихард Фогель рассказывал, что во время своих путешествий по южной Абиссинии и северу Английской Восточной Африки он слышал от сомалийцев и галласов о тайнст-

венной стране Паруты. По уверению чернокожих, там жили белые духи, которые раньше были настоящими людьми, приехавшими из-за Красного моря. Туземцы заверяли, что в горах к северо-западу от озера Рудольфа есть светящаяся по ночам снеговая вершина, которую они называют горой Лунного духа. Кроме того, они утверждали, что у горы Лунного духа, куда иногда проникали смелые охотники за муффонами, слышатся порой трубные звуки и бой огромных барабанов.

Передавая эти легенды, Фогель имел неосторожность добавить, что по его соображениям, это, действительно, место обитания какого-то горного народца и что в этом ничего невероятного нет. Слово «Парута», по его изысканиям, несомненно иранского происхождения и ничего не имеет общего с местными языками. Правда, он оговаривался, что у него нет достаточных материалов, но все же высказанные им предположения о Паруте, как о древнейшей финикийской колонии, сделались мишенью для его врагов.

Как и следовало ожидать, первые ядовитые стрелы были пущены в Фогеля из его родного Гейдельберга. Молодой ученый, Фридрих Мольтке, занимавший ту же кафедру, которую занимал когда-то Фогель, выступил с едким памфлетом под названием «Новая Лапута». Статья была поддержана в стиле Свифта, и в ней так развязно и хлестко был обрисован Фогель не то в виде шарлатана, не то в виде слабоумного, что начался судебный процесс.

Этот процесс, а также крупное имя Фогеля сделали страну Паруты самой боевой злобой дня. Скандал не ограничился Германией, а перекинулся и в другие страны. В печати начались бесконечные интервью всякого рода ученых, депутатов, политических деятелей и даже духовных лиц. Всевозможные мнения, теории, фантазии сплетались и рассыпались, как в причудливом калейдоскопе, интригуя публику.

В Париже первые отголоски этих сенсаций и последовавшего за ними скандала как раз совпали с прибытием из экваториальной же Африки известного ученого Жана Корбо и его спутника и ближайшего помощника, молодого русского ученого, Пьера Сорокина. Не заезжая в Париж, оба

путешественника со всеми своими коллекциями остановились в вилле Корбо в нескольких километрах от столицы.

Прежде, чем делать доклад в Академии, Корбо решил привести в порядок все материалы и, ссылаясь на утомление, поработать с месяц вдвоем с Пьером. Материалы у них были очень обширны — ими был обследован треугольник между Белым и Голубым Нилом, от Хартума до десятой параллели на юг, а на восток до абиссинских предгорий. Вилла представлялась им надежным убежищем для тихой и вдумчивой работы.

Но это оказалось тщетной предосторожностью. На другой же день после их приезда около виллы Корбо весь вечер гудели автомобили всевозможных корреспондентов, а телефон звонил непрерывно. Несмотря на то, что корреспондентов не приняли, а телефон временно выключили, в утренних газетах появились портреты и Корбо, и Пьера, и сообщалось об их здоровье и настроениях. В двух же газетах было указано число ящиков с коллекциями и даже приводились краткие беседы: в одной — с Пьером, в другой — с Корбо.

Друзья прочли со смехом обе заметки и взаимно поздравляли друг друга с теми нелепостями, какие они будто бы сказали по поводу какой-то Паруты.

— Постойте, Пьер, — смеясь, заметил Корбо, — но что это за Парута? Тут что-то пахнет сенсацией.

— Начнем делать изыскания, — сказал Пьер, доставая ворох газет.

Заинтересовавшись, они прочли все заметки и статьи о Паруте и только теперь узнали о возвращении Фогеля и обо всем разыгравшемся скандале. Вздвигнутый Корбо нервно забегал по комнате.

— Но как они смеют, — восклицал он, — как смеют так мешать с грязью крупного ученого? Мы учились у него понимать Африку. Пьер, почему вы так хладнокровны?

Пьер засмеялся, подняв голову от газеты.

— Дорогой профессор, — сказал он, — я внимательно вникал в слова Фогеля и не столько поверил, сколько угадал, что он прав.

— Браво, Пьер! Но все же...

— Подождите секунду, пылкий француз, — остановил его Пьер, — знаете, о чем я подумал?

— Об этих негодяях! И вы, наверное, придумали громовую статью! Вы прекрасно владеете пером.

— Нет. Я придумал лучше.

— Отыскать Паруту?

— Именно. Не смейтесь, в этом ничего невероятного нет.

Корбо молча зашагал из угла в угол. Пьер не мешал ему. Он знал все привычки своего патрона. Последнее путешествие, трудное, сопряженное с опасностями, сблизило их, сделало друзьями. Корбо совсем не походил на тех профессоров, которые или глядят сверху вниз на весь мир, чопорны и важны, как министры, или неряшливы, как нищие, рассеяны и неуклюжи, садятся не в тот трамвай и надевают вместо шапки широкоую дамскую муфту.

Глядя на шагающего теперь Корбо, ерошащего свои курчавые волосы, Пьер знал, что его друг серьезно размышляет, ведет сам с собою споры «за» и «против». Он любил эти быстрые смены настроений, хотя сам был хладнокровен, как истый северянин.

Наконец, Корбо молча остановился перед Пьером.

— Ну? — спросил тот.

— Решено. Будем отыскивать, — засмеялся Корбо и, подбежав к двери, крикнул экономке в другую комнату:

— Маргарита, две бутылки шампанского!

— Мы реабилитируем Фогеля, — твердо сказал Пьер.

— А пока, — подхватил Корбо, — пошлем ему телеграмму.

Он подошел к столу и быстро процелкал на пишущей машинке: «Берлин. Академия. Фогелю. Вполне разделяем ваши предположения. Жан Корбо и Пьер Сорокин».

Сидя за шампанским, они весело шутили и пили за страну Паруты и ее обитателей.

— Я не скажу, — проговорил Корбо, — чтобы я был твердо уверен в этих обитателях, но во всяком случае задача интересна сама по себе. Если мы даже не найдем Паруты, то несомненно натолкнемся на многое интересное.

— Нет, профессор, — возразил Пьер, — у Фогеля есть это особое чутье, которое не обманывает. Не могу доказать, но я убежден в существовании Паруты. Возможно, что это только развалины какого-либо города древней культуры.

Между друзьями среди шуток и острот завязалась научная беседа. Разложив перед собою карту экваториальной Африки, они принялись изучать ее южную область около истоков реки Собат, между абиссинской границей и озером Рудольфа.

— Знаете, Пьер, что возможно? — воскликнул Корбо, — вы видите разбросанные здесь горные массивы и местами хаотические переломы? Что вы думаете?

— Несомненно, — ответил Пьер, — это результаты вулканической деятельности.

— А вы помните, Пьер, — перебил его Корбо, — что всего три года назад один английский охотник открыл в центральной Африке огромный вулканический цирк по площади немного меньше, чем Родос?

— Я понял вас, — быстро схватывая мысль Корбо, ответил Пьер, — этот цирк был совершенно отрезан от окружающей его местности. Я помню, англичанин нашел там стада антилоп и слонов, великолепную растительность и реку, свергающуюся с соседней вершины через край цирка.

— Вот этот цирк, — заметил Корбо, — и дает мне основание думать, что и здесь, в Абиссинских горах, при их обилии потухшими вулканами, могут быть такие же цирки, изолированные от всего мира.

— Совершенно верно, — воскликнул Пьер, — этот цирк английского охотника долго не давал мне покоя. Я все ломал голову, как могли туда попасть не только тяжеловесные слоны, но и легкие антилопы. Я искал дополнительных сведений, но кроме нескольких заметок в «Таймс» и двух

фотографических снимков в специальных журналах я ничего не нашел.

— Но я, по своей жадности ко всему, — засмеялся Корбо, — при своей непоседливости, еще до нашего с вами знакомства побывал в этом цирке!

— Это очень похоже на вас, — воскликнул Пьер, — я не знаю более авантюрного, если можно так выразиться, учебного, чем вы. Если бы я был Жюль Верном, я бы из вас сделал второго капитана Немо!

— Смейтесь, но роман с Парутой, какой мы задумали начать, потребует от нас не меньше героизма, чем у разного рода искателей приключений. Ну, как бы там ни было, а я ходил по следам англичанина.

— В чем же дело?—спросил Пьер.

— Обойдя цирк, — продолжал Корбо, — я нашел, что в южной стороне произошел огромный обвал и совершенно засыпал скалами узкую долину, которая раньше врывалась в него.

— Ну, тогда все ясно,— проговорил Пьер, — но вернемся к нашей Паруте. Признаться, следовать по пятам Фогеля, как вы следовали по пятам англичанина, мне никак не улыбается. Это значит ухлопать всю энергию на Абиссинские горы и добраться до Паруты никуда не годным хламом.

— Зачем нам это, — возразил Корбо, — мне рисуется совсем иной маршрут: морем от Марселя до Александрии; потом на пароходе до Каира; из Каира по железной дороге до Хартума; потом по Белому Нилу до Фашоды, далее рекой Собат или через саванны к абиссинской границе.

— А не полететь ли нам на аэроплане, — заметил Пьер, — если мы найдем машину, приблизительно такую, о какой вы мечтали в Каире, это будет великолепно. Помните перелет английских летчиков: Каир — Сивах и обратно?

— Это блестящая мысль, Пьер, — вы меня окрылили дважды: во-первых, мы сейчас же этим займемся, а, во-вторых, мы действительно полетим туда на крыльях. Вы знаете Гастона Форестье?

— Это известный авиатор?

— Да. Он — мой молочный брат и друг детства. Он был одно время слесарем на автомобильном заводе, потом механиком на военном аэродроме, а за время войны сделался первоклассным летчиком.

Корбо подошел к телефону, и Пьер услышал следующий разговор.

— Гастон? Добрый вечер... Он самый! Вернулся. Спасибо. Что теперь? А я вот задумал одну штуку, и ты нужен мне до зарезу. Приезжай ко мне, выпьем шампанского и поговорим. Ха, ха! Нет, не женюсь, а впрочем, затеваю если не романтическую, то, во всяком случае, очень романтическую авантюру. Сумасброд? Но не менее, чем ты. Ха, ха! Разбойник! Ну, до свиданья. Жду сейчас же...

Довольный Корбо повесил трубку и, мурлыча песенку, закурил сигару.

— Мне приходит игривая мысль, — обратился он к Пьеру, — надуть нашу почтенную Академию.

— То есть как? — удивился Пьер.

— Не пугайтесь, дорогой друг! — Надует мы ее самым благородным образом. Во-первых, я буду болеть еще месяц, а, во-вторых, мы сделаем письменный доклад. Мне нужно быть свободным и поработать это время с Гастоном.

Корбо с места в карьер набросал Пьеру задуманный им план работ.

Но не успели они закончить своих совещаний, как в кабинет влетел крепкий здоровяк и начал, что есть мочи, трясти руку Корбо своей жилистой лапой.

— Черт возьми, — восклицал он, — ты, Жан, совсем стал чернокожим! И не стареешь совсем, а ведь года на четыре старше меня. Стоит только сравнить, — он хлопнул себя по лысой голове, — это голое колено с твоей шевелюрой! Ну, куда опять несет тебя?

— Подожди, подожди, — остановил его Корбо, — познакомься раньше — мой друг, Пьер Сорокин.

— Гастон Форестье, — смутившись и только что заметив постороннего, пробормотал Гастон.

Корбо расхохотался.

— Знаете, Пьер, он, этот медведь Гастон, страшно ревнив к моему авторитету. Ради бога, никогда не критикуйте меня в его присутствии.

Он сердечно обнял и потрепал по плечу Гастона.

За ужином Пьер и Корбо узнали радостную весть, что Форестье придумал новую конструкцию аэроплана огромной грузоподъемности, с тремя каютами, с новым типом моторов. В качестве двигательной силы, вместо бензина, им будет применено особое, сильно конденсированное вещество, изобретенное Антуаном Пармантье. Ожидая мнения и одобрения Корбо, он с увлечением рассказывал свои планы, делая даже цифровые выкладки.

Корбо пришел в восторг.

— Маргарита, — вскричал он, — самого лучшего вина! Будем пить за здоровье Гастона и за его машину!

Радостный ужин затянулся далеко за полночь. Собеседники решили устроить ангар на дворе виллы Корбо и как можно скорее начать постройку «Титана», как окрестили будущий воздушный корабль.

* * *

Прошло три недели, как начались работы на дворе виллы, под руководством Гастона Форестье и Корбо. Погода была чудесная; кругом, словно обсыпанные белым и розовым пухом, стояли в цвету персики и абрикосы. Весеннее топление пробегало огоньками в крови, волновало и пьянило, но вся эта энергия, которая так сладко разряжается в объятиях и поцелуях, на вилле Корбо вкладывалась в работу. Весеннее возбуждение только увеличивало вдохновение, и милые образы женщин заслонялись «Титаном» и Парутой.

Работа становилась экзальтированной, как подвиги пустынных, хотя тут, рядом, прямо дышал огромный Париж всеми ядами своих соблазнов. Впрочем, при таком увлечении работой время мелькало незаметно, а новые события

вокруг Фогеля и Паруты еще более придавали вдохновения.

Не успел еще закончиться безобразный процесс из-за статьи «Новая Лапута», как неожиданная сенсация опять взволновала научные круги и публику. Русская Академия Наук получила из Монголии от известного путешественника Козлова, ученика знаменитого Пржевальского, вновь найденную им в городе Хара-Хото книгу с двумя параллельными текстами на монгольском и на каком-то неизвестном языке. После долгих усилий русским ученым удалось расшифровать неведомый язык, оказавшийся туземным языком Хара-Хото времен еще до нашествия монголов. Благодаря этому удалось прочесть и ранее доставленные Козловым книги, которые он привез из открытого им мертвого города.

Но настоящую сенсацию произвело то, что в этих книгах, согласно сообщению Русской Академии, несколько раз по разным поводам упоминались названия: «Страна Паруты» и «Народы Паруты». Это заставило Фогеля снова выступить в печати и заговорить об экспедиции в экваториальную Африку.

Однако, разгоревшиеся страсти вокруг процесса и целый ряд самоуверенных отрицаний со стороны известных ученых, высказывавшихся по поводу первого интервью Фогеля, поддерживали крепкую оппозицию. Сделавшись однажды смешным в глазах широкой публики, Фогель никак не мог внушить веры к своим словам. Ученые, хотя и сдержанно, снова поспешили высказать предположение, что рассказы о Паруте просто одна из кочующих легенд и скорее религиозный миф, чем когда-либо реально существовавшая страна. При этом ссылались обыкновенно на легенду об Атлантиде и тому подобное.

Зато враги Фогеля и юмористическая пресса разнуздались вовсю. Бедного путешественника изображали в чепце, окруженным детьми, которые кричат ему: «Бабушка, расскажи еще про Паруту»!

Корбо злился, но молчал, и, когда его мнения запросила Академия, ответил довольно резко короткой фразой:

— Фогель никогда не бросал слов на ветер!

Ответ этот был напечатан во всех газетах, и Фогель прислал вторую благодарственную телеграмму Корбо.

Что касается Пьера, то им просто овладела горячка, он не мог усидеть на месте и, как только был закончен доклад, принялся за изучение маршрута, который был назначен до решения лететь на «Титане».

Дело в том, что постройка воздушного корабля затягивалась ввиду необходимости делать тщательные испытания аппаратов и частей, а также в силу изменений плана первоначальной конструкции. Пьер, мало знакомый с техникой, оставался в стороне, а между тем его мучила жажда путешественника, и он приходил в ужас при мысли, что придется сидеть в вилле Корбо еще три месяца.

Нетерпение было так велико, что его не обрадовали самые лестные отзывы Академии о докладе и результатах экспедиции. Недолго ласкали его самолюбие и газеты, которые, восхваляя Корбо, упоминали и его имя, как имя новой научной силы. Его популярности, впрочем, много содействовал сам Корбо. Он сделал в нескольких местах доклада высокие оценки находчивости и наблюдательности своего помощника, а также подчеркнул его исключительную способность схватывать и быстро изучать всякого рода туземные языки.

Наконец, в середине мая, Пьер не выдержал и обратился к Корбо с просьбой послать его на реку Собат для предварительного обследования. Корбо несколько дней колебался, но все же согласился, взяв с Пьера слово, что он непременно вернется в сентябре, когда будет готов «Титан», и не станет предпринимать ничего рискованного.

Корбо, впрочем, не придавал большого значения этой разведке, но ему было искренне жаль молодого человека. Единственной задачей он ставил Пьеру — отыскать гору Лунного духа и проверить легенду об ее свечении по ночам, что, предполагал он, происходит от какого-либо незначительного извержения лавы. Во всяком случае, это был почти единственный конкретный признак местонахождения

ния Паруты. Пьер горячо обещал быть точным, как физический прибор.

По совету своего патрона он взял его палатку и приобрел все, что тот ему указал. Он купил себе великолепное ружье в дополнение к револьверу и ножу. Револьвер должен был быть, как и нож, с ним неразлучен. Они прикреплялись к его широкому поясу, во всю длину которого в два ряда помещались патроны в количестве до двухсот. Пояс этот Пьер придумал сам и заказал для последней экспедиции на Белый Нил.

Так как в Хартуме был французский представитель, Корбо приготовил к нему письмо, в котором просил позаботиться о Пьере и снабдить его самыми верными людьми из туземцев для перехода через саванны. Написал также письмо знакомому англичанину в Фашоде, прося немедленно сообщить, если что случится с Пьером. Словом, Корбо проявил такую нежную заботливость, что Пьер был растроган почти до слез. Отъезд был назначен через неделю. Костюмом для тропических стран и другими необходимыми вещами в этом роде, а также провизией было решено запастись в Александрии. Пьер радовался, как школьник, и целые дни проводил в хлопотах, а по вечерам внимательно перечитывал все, что было сказано Фогелем о Паруте, и то, что сообщалось русской Академией Наук по мере прочтения книг Хара-Хото.

Промелькнуло, между прочим, сообщение, что в одном из фолиантов найден такой текст:

«Когда была распря народов Быка и народов Овна, боги наказали людей черною смертью и голодом. Безумие крови овладело людьми, и кровь убитых поила землю, и злые духи напились ею досыта. Тогда народы Паруты, чтущие кровожадную Саинир, в ужасе ушли на Запад. Люди же Овна победили людей Быка, и не стало человеческой крови на жертвенниках».

Взволнованный Пьер сообщил это Корбо, и они окончательно убедились в правоте Фогеля. Но, как ни странно, другие ученые совершенно не связывали этих строк книги из Хара-Хото с предположениями Фогеля. Книгами инте-

ресовались только языковеды и историки культуры, которых занимали совершенно иные вопросы. Ими было высказано мнение о сходстве многих легенд хотской литературы, как называли книги, привезенные Козловым, с легендами Рамаяны и другими мифами зенд-авестской культуры.

Вообще Парута отошла как-то быстро на второй план, и о ней только иногда вспоминали. Обострение вопроса о репарациях и осложнения в связи с рурской оккупацией приковали публику к новым интересам. Потом полетели сообщения о выступлениях немецких фашистов и коммунистов, о правительственном кризисе в Германии и так далее. Словом, политические сенсации вытеснили всякие другие.

Казалось, над Европой опять подымается новая военная гроза, и расстроенный Корбо как-то за обедом, швырнув газету, сказал печально:

— К сожалению, до тех пор, пока будут люди, у которых больше обедов, чем аппетита, и люди, у которых аппетита больше, чем обедов, — до тех пор нельзя быть спокойным за культуру.

— Но все же ее нужно создавать, — энергично вмешался Форестье, — несмотря на войны и распри.

— Мы, ученые, — добавил Пьер, — должны думать о будущем.

— Да, — согласился Корбо, — прошлое для отдельного человека бывает иногда лучшим, но для человечества никогда!

Это был как раз прощальный обед Пьера, и несколько грустная философия друзей объяснялась, главным образом, предстоящей разлукой. Но для Пьера все эти настроения были мимолетными — ему уже мерещился Нил, каменистые пустыни Хартума, а там, дальше на юг, рисовались в его воображении бесконечные саванны, степные озера, гигантские стволы баобабов, бегемоты, зебры и яркие стаи красноперых, алых фламинго.

Чудился разноразличный говор белых и черных народов, и мелькали перед глазами пестрые одежды и черные нагие тела полудиких и диких племен. Страсть, знакомая толь-

ко путешественнику, опьяняла его, и он едва дождался автомобиля, чтобы ехать на станцию, скорее вскочить в поезд и мчаться к Марселю.

II.

В дороге Пьер, не нарушая принятого маршрута, решил несколько ускорить свой путь. Он провел всего несколько часов в душной и пыльной Александрии с ее несносными ветрами, сделал только необходимые закупки и сел в поезд. Он решил, не заезжая в Каир, прямо ехать в Ассуан до первого нильского порога. Оттуда он поднялся по реке до второго порога и, сев снова в поезд и промчавшись по восточной части Нубии, пересек Атбару, приток Нила, и прибыл в Хартум, расположенный около устья Голубого Нила, немного выше последнего, шестого нильского порога.

Здесь только он успокоился, охваченный горячим дыханием Африки, чувствуя, что он на месте, что перед ним развертывается во всей своей магии увлекательный путь завоеваний науки. Здесь ему было все хорошо знакомо по недавней экспедиции с Корбо.

Он встретил радушный прием у французского представителя, Жака Фрэми. С его помощью нанял десять крепких и верных носильщиков для перехода через саванны. В Хартуме вообще повезло Пьеру. Дня за два до выступления, Жак Фрэми, вызвав Пьера, сообщил ему, что если он подождет лишний день, то он устроит его на товарном пароходе. Пароход этот повезет в Фашоду грузы соли, тканей, металлических изделий и бус для восточного Судана в обмен на слоновую кость, страусовые перья, плоды масличной пальмы и кожи.

Пьер с благодарностью принял это предложение и, чтобы не терять зря времени при ожидании, начал изучать язык галласов, пользуясь тем, что араб Ибрагим был зна-

ком с этим языком. Вообще Ибрагим был лучшим из носильщиков, что подчеркнул и Фрэми, рекомендуя его, как участника многих экспедиций. Пьер назначил его старшим и ответственным за весь караван. Пьер свободно говорил по-арабски, чем, в свою очередь, сильно выиграл в глазах Ибрагима и пользовался его искренним уважением. Кроме того, назначение старшим очень польстило арабу.

— Валлахи¹, благородный господин, — сказал он, прикасаясь рукой ко лбу, устам и груди, — сердце Ибрагима будет тебе верно.

— Аллах эль акбар², — ответил ему в тон Пьер, — я тебе верю.

— Ты хорошо поступил, эффенди³, ³ — добавил он, помолчав и важно драпируясь в гандуру⁴, — ты правильно сделал, эффенди, что отложил день отъезда. Мы теперь выедем в день благословенный, эльмубарак⁵. Этот день счастлив для охотников и путешественников.

Высказав все это, Ибрагим замолчал в ожидании вопросов своего господина об языке галласов. Так начался первый урок Пьера. Язык, как и всегда, давался ему легко, что изумляло араба-учителя.

— Это джинны⁶ помогают тебе, эффенди, — заметил он однажды.

Уроки эти продолжались и на пароходе, который шел сравнительно быстро, энергично пеня мутные воды Белого Нила. Галласский язык Пьер начал изучать так, на всякий случай, а вернее подчиняясь своей природной страсти к языкам, но уже в Фашоде эти уроки пригодились ему, когда среди лодочников на реке Собат оказались галласы.

¹ Клянусь богом.

² Бог велик.

³ Господин.

⁴ Плащ, покрывающий тело и голову.

⁵ Четверг.

⁶ Добрые духи.

В Фашоду пароход прибыл к вечеру. Пока Пьер вместе с Ибрагимом нанимали лодочников, солнце незаметно склонилось за горизонт и сразу, как это обычно для экваториальных стран, день без всяких переходов превратился в ночь. Дальнейшую поездку пришлось отложить до утра, так как нужно было отыскать англичанина Эдварда Вилькса, друга Корбо, и передать ему письмо.

Пьер весело провел у него вечер, получил много полезных советов и немало выпил виски с содой. Расстались они друзьями. Возвратился Пьер на место своей стоянки в довольно веселом настроении и, не раздеваясь, лег в гамак, приготовленный для него Ибрагимом.

Над ним высилось чудесное и, казалось, все еще знойное небо, усеянное яркими звездами и крупными созвездиями, незнакомыми в нашем полушарии. Широкие перистые листья пальм, к которым был привязан гамак, черными лопастями купались на фоне Млечного пути, необычно сверкающего и переливающегося огнями.

Все кругом спало, только однотонно трещали цикады, где-то выли шакалы и хохотала гиена. Глаза Пьера стали смыкаться сладкой дремотой, как вдруг дикие стоны и вопли прорезали воздух, почти рядом с гамаком. Пьер вскочил на ноги и схватился за револьвер. Быстро вскочили и Ибрагим и несколько человек из лодочников и носильщиков.

— Аллах керим¹ — крикнул Пьер, обращаясь к Ибрагиму, — что это такое?

Но араб ничего не ответил ему, а, вытянув руки по направлению крика, грозно воскликнул:

— Аллах енарль эш-шайтан!²

И, будто испугавшись заклятья, стоны и вопли прекратились, а с ближайшей пальмы мелькнуло неясное пятно, мягко протрепетав беззвучными крыльями. Пьер рассмеялся — это была африканская сова.

¹ Боже милосердный.

² Господи, прокляни этого дьявола!

— Ну и напугает же такая ерунда, — проговорил он, укладываясь снова в гамак.

— Нет, не смейся, эффенди, — суеверно заметил араб, — это не птица, это марафил¹. Но он безвреден теперь и не сможет сделать зла, ибо ты крикнул имя божье, а я совершил заклятье. Теперь спи спокойно, эффенди, африт² не вернется.

Ибрагим укутался в свою гандуру и спокойно заснул.

Но Пьеру не спалось, и он, любясь ночью, понемногу стал различать какой-то шепот. Повернув голову, он увидел двух галласов, которые сидели у лодок и тихо беседовали. Они охраняли лодки, в которых лежали вещи Пьера. Разговор шел о каком-то сомалийце, по имени Исафет, охотившемся в горах.

Пьер прислушался, ловя особенности произношения, которые не совсем точно передавал его учитель Ибрагим. Рассказ был неинтересный и крайне однообразный, так что дремота снова овладела Пьером. Но слова: «у горы Лунного духа» отогнали весь сон. Боясь пошевелиться, он стал жадно слушать.

— Он прибыл к нам недавно, — продолжал рассказчик, — он был смелый охотник. Он не знал горы Лунного духа. Он пошел туда за муффонами. Потом мы узнали. Он видел свет, слышал крики злых духов и барабан. Он бежал и падал, ибо ум его смешался. Потом болел, заклинатели не помогли ему. Он умер.

— Это гнали его злые духи, — добавил другой.

Разговор на этом окончился, и собеседники, помолчав, тихо затянули какую-то дикую песню: не то заклинание, не то молитву.

Ночь начинала холодеть, и Пьер, укрывшись плащом, быстро стал засыпать; хотя в полусне мысль еще работала, но уже сплетала самые сказочные узоры из легенд о Паруте.

¹ Оборотень.

² Злой дух.

Солнце сильно пекло, хотя и клонилось к земле, когда флотилия легких лодок, всплескивая веслами сверкающую воду, огибала излучину реки, и, покидая мутные воды Белого Нила, приближалась к устью реки Собат. За день, не смотря на краткий отдых для обеда, неутомимые лодочники Пьера успели отойти от Фашоды более чем на сорок километров.

Пьер сидел, как зачарованный, впиваясь глазами в бескрайние саванны, еще не начавшие желтеть от наступивших после дождливого марта засух. Но озера уже везде заросли тростниками и папирусом, а многие из них превратились в широкие, мелководные болота. Все же влаги было достаточно, и густые высокие травы, как гигантский пышный ковер, расстилались во все стороны горизонта. Мириады насекомых носились в воздухе, а над озерами бесчисленными стаями мелькали птицы. Тут были и огромные белые пеликаны, и крикливые ибисы, и цапли, и журавли, и алые фламинго, и тысячи всякой другой водяной и степной птицы. Несколько раз Пьер видел вдали чутких антилоп и страусов.

Медленно двигались по сторонам эти девственные степи, сообразно движению лодок, и картина разворачивалась за картиной. Вот вдали замаячили в смутных очертаниях не то холмы, не то вершины отдаленных гор. Промелькнул табун полосатых зебр и скрылся там, где у кустов тамаринда и пышных акаций выглядывают рогатые головки жирафа на длинных и тонких шеях. Там, в другой стороне, одиноко раскинулся мощный баобаб и как страж стоит над саванной; там неожиданно, как нежные струны, подымались стройные пальмы, прямые, как мачты, стволы их качают на вершинах красивые пучки перистых листьев, а там опять даль и простор, и все залито солнцем.

Куда ни глянешь — море безмолвных, чуть волнующихся трав, над которыми так же безмолвно кружат и висят почти неподвижно степные орлы. Так же безмолвно вверх

ху и бездонное небо, только кое-где в синем океане, как в мертвом штиле, стоят белоснежные паруса облаков, будто ждут попутного ветра.

Но плещут весла, и новые картины открываются в саваннах. Справа что то засверкало и слепит глаза своим блеском. Это степная речонка, незримо скользя в густой траве и камышах, согнулась в излучину и, поймав, как зеркало, огненный лик экваториального солнца, течет пылающим потоком. Медленно бредет к воде носорог, до половины уйдя в траву, будто плывет в ней.

Смотрит Пьер ненасытными взорами, а в голове пробегают неясные мысли, сладкие, как сновиденья, цепляются прихотливо друг за друга и лениво оформляются в слова.

— Вот он, рай первых людей, — тянутся сами собой мысленные речи, — какой был по человеческим преданьям у Тигра и Евфрата.

И далекие образы из дебрей истории затеснились вокруг Пьера. Он уже не видит саванны — перед ним проносятся страны сумеров, аккадов, легенды которых о сотворении мира в искаженном виде сохранила библия. Он видит равнины Ирана, предгорья Кавказа и те просторы, где впервые арийские расы закладывали фундамент культуры. Там, в другой части света — мощный Египет со своими храмами и пирамидами, наукой и философией. Там — древнейшие культурные острова эгейцев с их таинственными лабиринтами и письменами. Тут растет и крепнет Греция, а в разных местах, на разных материках, творят и создают свои бесчисленные племена желтой и черной расы. Возникают и рушатся царства, и суетливой, постоянно кочующей толпой мелькают повсюду торговцы-семиты, посредники разных знаний и товаров. Они то привозят азбуку из Египта, то десятичные цифры и алгебру из Индии, то знакомят со стеклом, то переносят с места на место культы и поверья разных племен.

— Они, — думает Пьер, — играли главную роль в общении людей, у них в руках были нити всех культур. Ассирия-Вавилония...

Но Пьер не закончил своей мысли. Неожиданно и как-то странно, как часто это случается, перед ним нарисовалась карта Ассирии при Саргоне, напечатанная в книге Масперо. Он, как на экране, увидел ее и около реки Евфрата ясно прочел напечатанное в скобках древнее название этой реки— «Пуратту».

Это заставило его лихорадочно рыться в своей памяти, цепляться за разные остатки легенд и преданий, но голос Ибрагима вернул его к настоящему моменту.

— Эффенди, — говорил араб, — скоро ночь, и нужно подумать о ночлеге. Люди устали и пора совершить вечерний намаз по завету пророка, да будет благословенно его имя!

Пьер оглядел окрестность. Лодки плыли уже устьем реки Собат. Направо он заметил на песчаной отмели штук пять крокодилов, которые, вытянувшись в ряд, лежали как бревна и грелись на солнце.

Потянувший воздух донес оттуда неприятный, особый крокодиловый запах.

Чтобы не подвергаться нападению этих страшных гадов, Пьер велел причалить к противоположному берегу. Здесь хотя и были песчаные отмели, но дальше берег подымался довольно круто; он густо порос ветвистой пальмой, акацией и огромными безлистными молочайниками. Там можно было легко подвесить гамак и набрать топлива для ночных костров. Ибрагим крикнул приказание, и лодки, красиво завернув к берегу, с легким разбегом врезались в глинистую почву, наполовину выскочив из воды.

Пока люди Пьера, все магометане по вероисповеданию, совершали омовение и вечерние молитвы аллаху, он, вскинув ружье, пошел побродить по окрестностям. Проходив с полчаса и чувствуя голод, он повернул обратно и недалеко уже от берега услышал крик боли и смертельного ужаса и крики носильщиков, которые звали его на помощь.

Бросившись к берегу, Пьер увидел жуткую картину — группа его лодочников толпилась на небольшом, узком мыске и изо всех сил тянула за руки и даже за голову своего товарища. Тот кричал неистовым голосом, корчась от боли; левая нога его, ниже колена, была захвачена пастью

крокодила, с которой лилась кровь. Остальные люди, не смея подойти ближе, бросали в чудовище камнями и копьями, но крокодил только злобно вращал налитыми кровью глазами, не выпуская своей жертвы. Пьер почти в упор выстрелил в один из этих глаз, и челюсти разжались, выпустив ногу. Ударив хвостом и обрызгав всех илом и грязью, чудовище перевернулось вверх брюхом и медленно поплыло по течению; но уже метрах в десяти от берега, около него показались разверстые пасти его сородичей, и крокодилы начали пожирать убитого.

Осмотрев раненого товарища, Пьер убедился, что кость во многих местах была изломана, а кожа и мышцы изорваны в клочья зубами хищника. Несчастному сделали перевязку, но Пьер выходил из себя, проклиная беспечность чернокожих. Они более, чем кто-либо, знали все опасности своей страны, и все ж крокодилы постоянно едят их, как цыплят. Кроме того, благодаря этому несчастному случаю, приходилось завтра отослать одну лодку обратно в Фашоду.

Но делать было нечего и Пьер приказал готовиться к ночевке. Забравшись в гамак, когда кругом уже пылали костры, он крепко заснул, хотя досадливое чувство ныло где то в груди.

— Ну, утро вечера мудренее, — прошептал он, укрываясь одеялом из верблюжьей шерсти.

* * *

Две недели с лишком продолжалось это однообразное плавание к верховьям реки. Все шло благополучно, только москиты отравляли каждую минуту, носясь тучами над рекой и болотами. Лишь по ночам дымные костры отгоняли их и давали отдохнуть от укусов и тонкого писка.

Чем дальше вверх, тем более зарастала камышом и осокой Собат, тем мельче становились ее воды, и не раз легкие лодки шуршали плоскими днами по песчаным отмелям. Природа кругом заметно менялась. Саванны почти исчезли,

зажатые холмами и предгорьями. С запада наступал на них тропический лес и терялся вдаль, где смутно рисовались горные громады, и легким облаком то здесь, то там белели далекие снеговые вершины.

Это приближались предгорья восточной Абиссинии. В воздухе стало влажнее, и особая теплая прель лесов жарких стран все более и более охватывала путников. Леса подступали вплотную к берегам реки, обвитые лианами¹, свешивая с своих ветвей причудливо сплетенные стебли эпифитов².

Во всей этой гуще чуялась скрытая жизнь, а по ветвям и сучьям лазили и прыгали суетливые мартышки. По ночам особенно ясно слышались трубные крики слонов. Чаще и чаще попадались носороги, а у берегов мелеющей реки тяжело ступали бегемоты, ломая и поедая сочные заросли.

Но вот река будто потеряла свое русло, превратилась в широкое болото, расплываясь в непроходимых чащах лесов.

Здесь пришлось расстаться с лодочниками, которые возвращались в Фашоду, чтобы потом плыть по Бахр-эль-Джебелю к озеру Альберт-Ниаца с каким-то грузом для Английской Восточной Африки. Пьер дал бумагу к Вильксу, так как он предусмотрительно не брал с собой денег, чтобы не соблазнять зря своих спутников. С ним было только два ящика с бусами, браслетами и ожерельями, которые были взяты на всякий случай, если понадобится купить что-либо у туземцем или сделать подарок.

Прощаясь, лодочники сказали, что километрах в двенадцати на лесном холме есть небольшой дуар³ галласов, потом радостно повскакали в свои лодки для легкого пути вниз по течению.

— Алла мусселем ву селем аалейку!⁴ — крикнули они в последний раз, скрываясь за деревьями.

¹ Вьющиеся растения, как веревки и канаты, обвивающие деревья.

² Растения, виснувшие на сучьях больших деревьев.

³ Деревня.

⁴ Хвала богу и приветствие вам!

— Салла эннеби!¹ — ответил им Пьер и дал знак к походу.

Гуськом вытянулись друг за другом носильщики с ящиками и тюками на головах. Пьер и Ибрагим шли впереди. После недалекого, но трудного пути по корням деревьев, пробираясь сквозь кусты и лианы, они добрались до указанного дуара. Деревья поредели, стали попадаться каменные глыбы, овраги, обломки скал, а где-то ревел и бурлил горный водопад. На открывшейся возвышенности, довольно пологой, путешественники увидели несколько хижин с высокими конусообразными крышами. Но близость деревушки оказалась обманчивой. Нужно было подняться еще с полкилометра вдоль террасы, густо поросшей пробковым дубом и буками.

Свершив подъем, Пьер будто вступил в другую страну, с другим климатом. После тропической роскоши и яркости глаз с любовью встречал, как родных, кусты орешника, широкие вязы, дикие груши, серебристые ивы, кипарисы, каштаны, обвитые диким хмелем и повиликой. В лесах пахло миртом и маслинами, и густой волной ходил запах цветущих олеандров.

Горный дуар населяли галласы, признающие власть абиссинского негуса. В общем они мало отличались от лодочников, доставивших сюда Пьера, но были культурнее и разводили кофейные плантации внизу, в долинах с тропическим климатом.

Они гостеприимно приняли Пьера и объявили, что граница Абиссинии начинается от их деревни. Он ни звуком не обмолвился о Паруте и горе Лунного духа, зная суеверность дикарей и боясь, что носильщики покинут его, как только станет им известно о цели путешествия. Он объявил, что отправляется к негусу, у которого состоит на службе, и подробно расспросил галласов об условиях местности, долинах, подъемах и горных перевалах. Подарки бусами и браслетами сделали их окончательно друзьями.

¹ Хвала пророку!

Глава племени привел Пьера к своей куббе¹ и торжественно произнес на языке своей религии:

— Мархабкум!²

Пьер взял с собой Ибрагима, сказав ему, что хочет прочесть свою священную книгу и возблагодарить аллаха за счастливо совершенный переход. Ибрагим одобрил его намерение выразительным кивком головы и занялся разговорами с хозяевами. Пьер тем временем, вынув детальную карту Абиссинии и Английской Южной Африки, углубился в изучение предстоящего ему на завтра пути.

Он решил провести в этом дуаре остаток дня и ночи, чтобы дать себе и людям хорошенько отдохнуть и запастись свежими силами для горных переходов.

Ночь провел он в куббе, спокойно выспавшись на постланном верблюжьем войлоке, и только перед самым рассветом сон его был потревожен. Но Пьер был доволен, так как в награду за беспокойство увидел редкую сцену, какую не всякому европейцу приходится видеть.

Было совсем светло, когда он вышел. Густые темные тени еще тянулись от гор и прятались по лесным чащам — где-то там, за горными хребтами, уже поднялся огненный шар солнца и пронизывал воздух длинными косыми лучами.

Дикие крики и визги потрясали окрестность, перемежаясь с рыканьем леопарда, а в целом получался такой адский концерт, что звенело в ушах. Выйдя из небольшой, но очень густой рощи цветущих олеандров, Пьер увидел ложбинку, где разыгрывалась битва. Сверху, по склону горы, теснясь сплошной стеной и бросая камни, наступали павианы. Львиные гривы на их огромных головах яростно топорщились, оскаленные длинные морды щелкали клыками, испуская дьявольский рев. Внизу, подмяв молодого павиана, распыжившись и рыча, приник леопард.

Исход боя был предрешен, и Пьер воздержался от всякого вмешательства. Бесстрашные ряды обезьян все ближе и ближе подступали к леопарду, но тот словно окаменел,

¹ Хижина.

² Добро пожаловать!

не спуская глаз с врагов. Раненый павиан тоже замер, понимая, что решается его участь.

Наступал критический момент. Еще несколько секунд двигались ряды обезьян, — расстояние между врагами медленно уменьшалось. Центр борьбы как бы сосредоточился на борьбе воли, а не на физической силе.

Но вот леопард не выдержал. Его задние лапы осторожно передвинулись назад, то же сделали и передние. Он пятился почти незаметно. От напряженных движений зазмеилось все его упругое гибкое тело, и он несколько отступил от своей жертвы. Злобный рев вырвался из его груди, но еще более грозный рев испустили павианы, подхватывая длинными руками раненого товарища и продолжая наступать в виде полукруга. Ясно было, что они хотят окружить и истребить своего врага.

Теперь леопард гордо стоял во весь рост, как громадная кошка, сверкая пятнистой шкурой и ударяя себя пушистым хвостом. Медленно поворачивая голову, он, казалось, измерял силы врагов и оценивал их маневр. Убедившись в их превосходстве, он повернулся к ним задом и в несколько легких прыжков пересек ложбину и скрылся в чашу кустарника.

Продолжая реветь и ворчать, павианы поднимались вверх по скалам. Раненый полз с ними. Пьер пожалел, что этого нельзя было заснять для кинематографа, и, усевшись на камне, развернул карту.

Он определил местоположение дуара, в котором ночевал и, сообразуясь с указаниями, полученными от галласов, наметил на карте весь свой будущий путь. Он решил, что если, действительно, найдет гору Лунного духа, то оставит свой отряд у подножья с Ибрагимом во главе, а сам с двумя хартумцами совершит восхождение и осмотрит в зрительную трубу все окрестности.

Помня обещание, данное Корбо, он думал ограничиться только этим и не углубляться далее в своих исследованиях. Его задача состояла только в отыскании горы Лунного духа. Таким образом Пьер мог возвратиться в Париж ранее конца сентября. Если же, паче чаяния, «Титан» будет

готов скорее, то Корбо, как они условились, получив от него телеграмму из Фашоды или Хартума, вылетит навстречу.

Странное волнение вдруг овладело Пьером.

Вскочив на скалу, он в лесной прогалине увидел вдали груды горных вершин и хребтов. Посмотрев в зрительную трубу, он различил характерные столбы размытого гранита, террасы, конусы, мрачные трещины и ущелья. Это были потухшие вулканы Абиссинских гор. Их пламя и дым, как грозное знамя, трепетали когда-то у самого неба.

Десятки минут, не отрываясь, смотрел он на далекие громады, и нетерпеливое волнение его возрастало. Он был почти у цели. Еще несколько дней, и нога его ступит там, где не был никто из европейцев.

— Здесь Парута, — вполголоса произнес он, но тотчас оглянувшись на шелест в кустах орешника позади себя.

Это был Ибрагим. Он поклонился почтительно и сообщил, что хозяева приготовили пищу, зарезав двух козлят, и приглашают эффенди, который служит у их владыки, негуса Абиссинии.

Пьер не мог скрыть улыбки, мысленно назвав себя Хлестаковым, но важно слез со скалы и молча пошел за Ибрагимом.

Обед был роскошен; жареные на вертелах куски мяса, овечье молоко, сладкие финики и кофе в крошечных чашках.

* * *

После трапезы, в которой принимали участие все спутники Пьера, он отдал приказ о выступлении. Глава дуара и все жители провожали их по обычаю магометанского гостеприимства до крайней дзерибы¹ в конце поселка. Провожае-

¹ Загон для скота с высокой оградой, обсаженный густой стеной колючих растений.

мые добрыми пожеланиями и благословениями аллаха и его пророка, путники спустились в ложбину, где сегодня утром происходила лесная драма.

Обойдя небольшой водопад, караван спустился в довольно широкую долину, где густой ароматный воздух окутал их влажным теплом. Здесь начинались кофейные плантации. Пройдя их, Пьер велел свернуть вправо, и через полчаса началось восхождение на крутую, но плоскую возвышенность, покрытую густой травой и кустарником.

Подъем длился несколько часов, и, по мере восхождения, куда-то вниз уходили леса, а вдали со всех сторон, словно из земли, выступали горные хребты и вершины. Чем выше поднимался караван Пьера, тем выше вырастали горы, обступая половину горизонта.

Огромные каменные террасы мрачно высились кругом одна над другой. Грозными бастиями чернели отвесные стены узких ущелий с горами нависших скал и камней. На них и на плоских плечах гор мелькали кое-где зеленые заросли кустов, и изумрудными коврами ползли по склонам альпийские луга, а выше снова начинался хаос скал и ущелий.

Еще выше, путаясь и переплетаясь, легли беспорядочной массой огромные ступени гранита с гигантскими стенами кем-то разрушенных городов и крепостей. Высоко под ними, выделяясь на неправильных исполинских пирамидах, размытых и иссеченных, тянулись ввысь мощными столбами не то минареты мечетей, не то башни мрачных цитаделей из сплошного гранита, базальта и порфира.

Над этой грозной картиной застывших огненных стихий, как бесстрастная дума, спокойно сияли снеговые конусы, купаясь в лазури, будто грезили о вечном. Но внизу около них кипела жизнь. Сквозь шум и плеск бесчисленных горных ручьев и водопадов звенели птичьи песни, разносилось жужжание насекомых, раздавались крики и свист разных горных зверьков. Волнами ходили лесные запахи, смешиваясь то со сладким ароматом олив, то с пьянящей пряностью олеандров, то с крепким запахом мирта.

Кругом, от самых саванн, сходились сюда зеленые армии леса, ступали густыми колоннами по предгорьям, штурмовали каменные террасы, принимая в широкую грудь удары сорвавшихся скал и пенные волны горных потоков. Сотни гигантских стволов, как падшие воины, устилали места беспощадных битв, раскинув в разные стороны ветви, словно застывшие руки, грозя и взывая о помощи...

Пять перевалов совершил караван в трое суток, напрягаясь изо всех сил и, наконец, сдал. Ибрагим к вечеру четвертого дня почтительно приблизился к Пьеру.

— Самехуни я сиди¹, — сказал он, — но люди устали, и нужно отдохнуть этот вечер, ночь и завтра до полудня. Люди Хартума хотя и знают горы, но здесь, видимо, злые духи исказили и извратили создание аллаха. Мы никогда не видали таких непонятных гор.

Пьер с виду охотно согласился, но принял это заявление как первое предостережение. Он понял, что суеверных арабов начинают пугать необычность и грозная мрачность окружающей их природы. Действительно, особенно ночью, все кругом принимало неизъяснимо таинственный вид, мерещились фантастические чудовища в прихотливо изломанных скалах. Беззвучное реянье нетопырей, всхлипывания козодоев, гоняющихся за ночными бабочками, и неожиданный раскатистый хохот горных сов с дикими перебивами, от которых по спине бегали мурашки, — все это жутко разжигало детски-безудержное воображение арабов.

Правда, с первыми лучами солнца вместе с тьмой ночи уходили и призраки, но страх перед неведомой страной не уменьшался. Пьер не раз уже, в минуты раздражения, сожалел, что, чрезмерно конспирируя цели экспедиции, не взял местных галласов. Но мысль, что галласы могли и совсем отказаться идти к горе Лунного духа, которую они несомненно знали, примиряла его с арабами. Он успокаивался и прибегал ко всевозможным ухищрениям, чтобы обод-

¹ Извини меня, господин!

рить спутников, и по ночам надолго уходил от пылающих костров стоянки.

Такое бесстрашие эффенди и то, что ему не было вреда от дьяволов и злых духов, которые, конечно, во множестве гнездились в этих горах, успокаивали караван. Но на этот раз было хуже. Согласившись на стоянку, Пьер сейчас же велел собирать хворост и сучья для костров. Когда все это было сделано, он собрал всех, похвалил их за храбрость, за хорошую службу и объявил, что пути еще один день, а там они пойдут обратно и вернутся в Хартум. Он только должен осмотреть по распоряжению негуса эти горы и узнать, могут ли его войска проходить здесь.

Он видел, как просияли лица хартумцев, и окончательно понял, что через сутки, если он не поведет их обратно, они покинут его.

Здесь, у самой Паруты, в первый раз за всю экспедицию, ему не повезло. Он с досадой рассматривал в зрительную трубу горные хребты и долго любовался красивой конической вершиной, напоминающей красотой своих форм знаменитый японский вулкан — Фузи-Яму.

Подъем на эту вершину начинался как раз от места их стоянки. Красавица гора стояла как-то одиноко и только справа, наполовину включая ее в свои объятия, стояла другая, совершенно безлесная гора, с широкой усеченной вершиной. Казалось, что именно из этого дикого плато, километров в десять по диаметру, подземная сила выдвинула красивую вершину, но такую же дикую и неприступную, как само плато.

Взяв ружье, грустный и расстроенный, Пьер пошел побродить около стоянки. Он видел, как радостно сустились хартумцы, готовясь к ночлегу и мурлыкая песни, и почувствовал, что путешествие его кончилось.

Пройдя четверть километра, он улегся в душистой траве, развернул карту и начал свои расчеты и вычисления. По его данным выходило, что Парута должна быть за этой красивой вершиной. Нужно было, во что бы то ни стало, заставить хартумцев хотя бы подняться на эту вершину и обследовать, что находится за ней по ту сторону.

На этом он решил кончить свою экспедицию и спешить скорее назад, чтобы встретиться с Корбо. До Хартума было более месяца пути, то есть, он попал бы туда к середине сентября. Возможно, что «Титан» будет закончен к этому времени, и встреча друзей состоится в Хартуме. Он сделал все, что мог, но невозможное невозможно — приходится покориться судьбе.

Пьер улыбнулся мусульманскому складу своих мыслей и, сложив карту, побрел к зарослям орешника, слушая, как где-то мягко и кругло куковала кукушка. Знакомые меланхолические звуки, которые будто бархатные клубочки катились в прозрачном горном воздухе, напомнили ему Россию.

Беспричинная тоска защемила его сердце. Захотелось туда, где теперь осенним золотом и пурпуром начинают рядиться белоствольные березы и трепетные осины. Где без конца тянется щетинистое жнивье, а по дорогам скрипят телеги при долгих янтарных закатах, а тонкие нити седой паутины плывут в воздухе, цепляются за кусты, за сухую соломку, вспыхивают и горят в лучах зари.

Семнадцать лет он не видел России, скитаясь по разным странам, и не знал, какая она теперь. Тринадцатилетним мальчиком родители увезли его во Францию, когда с места ссылки, из Вологодской губернии, им разрешили выехать за границу. Он вырос парижанином, но тоска по России, которой мучились и жили все эмигранты, завладела и его сердцем. Вот уже восемь лет, как, окончив университет, мечется он по земному шару с разными экспедициями и уже два года, как путешествует вместе с Корбо.

Смутно, по детским воспоминаниям, рисовались всегда Пьеру Киев и Днепр, белые хаты, вышитые рубахи крестьян и разноцветные платки крестьянок. Помнится переезд, совершенный по воле жандармов на холодный и суровый север, родину отца. Его южанка-мать очень боялась морозов, но потом север очаровал ее своим величием, своими лесами, своими яркими серебряными зимами. Пьер быстро, сам не сознавая почему, полюбил север больше юга, и северная Россия навсегда запечатлелась в его юной душе.

Вот и теперь, вспоминая Россию, он вспомнил север. Может быть, это сказалась кровь предков, а, может быть, действительно русский север обладает чарующей силой. Весь отдавшись нахлынувшим воспоминаниям, Пьер не заметил, как наступила безлунная ночь. Крутом замелькали светлячки, искорками пролетая в беззвучном воздухе, засновали козодои и летучие мыши. Постепенно стихало и птичье пение, и только отдельные голоса дневного хора кое-где досвистывали свои партии.

Вдруг Пьер остановился, как вкопанный. Справа на иссиня-темном небе задрожало и заколебалось пятно белого матового света. словно северное сияние затрепетало оно на правой стороне вершины, похожей на Фузи-Яму. Дрожащими руками Пьер достал зрительную трубу и направил на гору. Слабый свет играл на снежном покрове, ясно обнаруживая, что его источник — колеблющееся пламя.

— Гора Лунного духа! — воскликнул он глухим от волнения голосом, опуская зрительную трубу.

Вглядываясь простым глазом, он заметил слабую светящуюся полосу, похожую на луч прожектора, которая подымалась из глубины левого края соседнего плато к горе Лунного духа.

— Корбо угадал, — быстро пронеслись мысли, — это, вероятно, вулканический цирк с неостывшей еще лавой, и расплавленная масса бросает свой ответ на горную вершину.

Но его смущало то обстоятельство, что свет падал отдельным снопом, а не освещал всей окрестности, как следовало бы ожидать.

— Вероятно, — думал он, — лава лежит в глубокой щели, и по капризу природы свет выходит из нее в одном только направлении.

Но как бы там ни было, перед ним находилась гора Лунного духа, которую он надеялся отыскать только завтра. Словно опьянев, Пьер радостно захлопал в ладоши и поздравил себя с успехом. В честь своего учителя и друга он назвал гору вершиной Корбо. Завтра же решил он исправить свои

ошибки в вычислениях и точно определить широту и долготу, под которыми находится открытая им гора.

Но вдруг тревога охватила его.

— Если хартумцы, — думал он, — увидят этот свет, они тотчас же в паническом страхе побегут обратно.

Он взглянул на светящуюся сторону вершины, и она, действительно, производила жуткое впечатление, похожее на то, какое испытываешь в ледяных пустынях севера, когда на небе бегают и играют всполохи. Он быстро пошел к месту стоянки, где ярко пылали костры из обломков коры пробкового дуба и сухих стволов кактуса.

Войдя в круг огней, Пьер увидел, что его носильщики спали сном праведников, и только Ибрагим дремал, сидя на корточках, в ожидании своего господина. Пьер послал его спать и огляделся кругом. Свет костров не давал ничего видеть дальше пламенных бликов, которые он бросал на ближайшие камни и группы деревьев — остальное тонуло в черном мраке.

* * *

Эту ночь Пьер почти не спал, ворочаясь в своем гамаке. Его сжигало нетерпение. Было несомненно, что страна Паруты здесь, где-то недалеко от горы Лунного Духа. С первыми лучами солнца он созвал хартумцев около себя.

— Ты, как старший, — сказал он Ибрагиму, — поведешь всех к тому галласкому дуару, откуда мы пришли сюда. Я остаюсь здесь, пойду на эту гору, а потом вернусь к вам в дуар. Ждите меня там. Но здесь мне нужно двух носильщиков. Кто пойдет со мной, тому будет выдана двойная плата за всю экспедицию. Но пути аллаха неисповедимы, а потому я напишу письмо к англичанину в Фашоде, эффенди Вильксу, чтобы он уплатил вам из моих денег. Эффенди Фрэми в Хартуме тоже наградит вас. Если случится несчастье со мной и с теми, кто пойдет в горы, то по этому же пись-

му, где я назову их имена, эффенди Фрэми выдаст их семьям четверную плату.

Ибрагим и другие хартумцы выслушали его молча и с изумлением глядели на него, не веря ушам своим. Но Пьер говорил властно и твердо, и тон его не допускал никаких возражений.

— Ну, кто же останется со мной? — продолжал он, — мне нужно двоих.

Длительное молчание было ответом. Потом, переглянувшись, выступили два пожилых носильщика.

— Аллах керим¹, — сказал один из них, — мы идем с тобой, эффенди. У нас большие семьи, и, если великому аллаху будет нужна наша гибель, дети наши получают больше, чем мы сами принесем им.

Все сразу зашевелилось, и лагерь быстро, в несколько минут, свернулся. Все было упаковано раньше, чем Пьер написал письма к эффенди Вильксу и эффенди Фрэми. С собой Пьер брал провианта на троих на шесть дней и небольшую палатку Корбо, где могли спать трое.

Караван разделился на две части.

— Аллах агаш вутчаш минак, — торжественно провозгласил Ибрагим, набожно сложив руки, — вах нат эль расуль!²

— Раббена шалик, — кричали остальные, — аллах мяакум³.

— Ия аллах джиеб эль фередж, — ответили спутники Пьера, — аус мин билляхи!⁴

Караван с Ибрагимом во главе поспешно стал спускаться с холма, направляясь обратно по только что пройденному пути. Пьер проводил их глазами, пока они не скрылись в лесной чаще. Тогда он внимательно оглядел оставшихся с ним и, заметив у них колебание, громко воскликнул по-арабски:

¹ Бог милосерд!

² Пусть бог все злое удалит от вас и помилует вас во имя пророка!

³ Да сохранит вас господь! Бог с вами!

⁴ Пошли нам спасение, господи! Спаси нас, боже!

— Кэидем, я ахуане, бе исм миллахи!¹

Он быстро пошел к подъему. Хартумцы следовали за ним, ободренные его энергией, но губы их шептали, произнося девяносто девять имен аллаха и священные зурэ² небесной книги.

Подъем был труден. Почти полдня они карабкались по скалам и взбирались по отвесным обрывам при помощи палок с железными крюками и веревок. К двум часам дня они после невероятных усилий добрались до обширной террасы и, отдохнув около часу, закусив и напившись воды из горного ручья, стали огибать гору Лунного духа, следуя по этой террасе. Здесь путь был сравнительно легкий и не требовал больших усилий.

Пьер внимательно обследовал все окрестности, которые открылись с той стороны, но кроме горных хребтов и вершин, каменистых и мрачных, ничего не увидел. Все же они упорно шли вперед, пока был день. Обогнули всю гору с противоположной стороны. Солнце уже спускалось за горы, когда на их пути неожиданно вырос каменный гребень, стеной преградивший террасу.

Пьер решил устроить здесь ночевку. Он приказал поставить палатку, зная, что в горах холодные ночи. Огня не разводили, а, закусив консервами, пока было светло, путники забрались в палатку, закутались гандурами и тотчас же заснули, охваченные смертельной усталостью.

Утром Пьер осмотрел неожиданную преграду. Это был грандиозный обвал, отделившийся почти во всю высоту горы. Груды скал лежали и ниже террасы, обрушив при своем падении еще несколько огромных частей горы. Камни и скалы засыпали наперерез всю глубокую узкую долину, которая когда-то была между горой Лунного духа и частью плато. Плато же, как было видно отсюда, представляло огромный цирк, образовавшийся из гигантского жерла потухшего вулкана. Это подтверждалось, по крайней мере, тем, что часть его, как бы охватывающая гору Лунного духа, шла

¹ Вперед во имя божие, мои друзья!

² Стихи Корана.

исполинской стеной отвесной внутрь и покатой снаружи. Глыбы камня и скалы, скатившиеся с горы, как циклопическая стена, закрыли брешь, когда-то сделанную горной рекой, и снова замкнули наглухо цирк, отделив его от всего мира.

Сердце Пьера трепетно билось, когда в голове мелькнули воспоминания о предположениях Корбо в связи с тем цирком, который открыл в западном Конго английский охотник. Не убирая палатки, Пьер велел арабам начинать подъем на гребень, преграждавший их путь по террасе. Опасаясь обрыва с другой стороны, Пьер обвязал себя веревкой, а концы ее, длиной в несколько метров, прикрепил к поясам арабов. Он лез впереди, выбирая дорогу.

После страшного напряжения они через час взобрались на гребень. Зрелище на огромный цирк, развернувшийся под ногами, было так удивительно, что все трое окаменели на несколько секунд, еле стоя на дрожащих от усталости ногах.

— Парута, — воскликнул Пьер и в порыве энтузиазма перепрыгнул через небольшую щель на следующую скалу.

Что-то глухо хрустнуло под его ногами, и прежде, чем он успел опомниться, скала скользнула вниз. На мгновение он повис в воздухе, сильно дернув веревку. Но хартумцы не выдержали неожиданного толчка, и Пьер всем телом ударился о плоский камень. Он не ушибся, но все сразу завертелось в его глазах, и он покатился, чувствуя, что с ним катятся оба хартумца. Несколько раз они скатывались в один клубок, потом разъединились и снова скатывались. Казалось, конца не будет этому падению, но вдруг тьма окутала Пьера, и он потерял сознание.

III.

Это случилось в конце августа, когда на вилле Корбо спешно заканчивались работы по постройке «Титана». Благодаря исключительной энергии Форестье и его изобретательским талантам, машина должна была быть готовой на две недели раньше назначенного срока, а именно к числу 18 или 20 сентября. Корбо радостно потирал руки, говоря, что они сделают сюрприз Пьеру и как снег упадут на его голову даже не в Хартуме, а в Фашоде. Этот быстрый темп постройки успокаивал его совесть.

Он теперь очень сердился на свою слабость, позволившую Пьеру вырвать у него согласие на предварительную поездку, и серьезно беспокоился за его участь. Правда, последняя телеграмма из Фашоды о выступлении Пьера успокоила его, но теперь было уже 15 августа, а о возвращении Пьера в Фашоду не было ни слуху, ни духу. Благодаря этому, Пьер опаздывал настолько, что в Париже мог быть только к ноябрю.

16 сентября, когда «Титан» был почти совсем готов, Корбо телеграфировал в Хартум и в Фашоду, спрашивая о судьбе Пьера. Ему ответили, что о Пьере ничего не известно. кроме того, что сообщили лодочники Эдварду Вильксу о его высадке в верховьях реки Собат, у границ Абиссинии.

Корбо не хотел допускать и мысли, что с Пьером случилось какое-либо несчастье. Он верил в энергию и находчивость своего молодого друга и высоко ценил его большой талант наблюдательного путешественника. Все же каждое утро, когда он просыпался и не находил ожидаемой телеграммы, какое-то ядовитое насекомое, по его выражению, впибалось ему в сердце.

Тогда профессор нетерпеливо вскакивал с постели, наскоро завтракал и бежал к аэроплану. Ему хотелось скорее лететь и отыскивать Пьера. Теперь же, когда «Титан» был совсем готов и нагружался всем необходимым для экспедиции, волнение и горячка нетерпения достигли у Корбо

крайнего предела. Он бегал из угла в угол своего кабинета и отчаянно ерошил свою шевелюру.

Но, несмотря на волнение, он внимательно и методично проверял по списку все содержимое кают «Титана», его снаряжение и всякого рода аппараты и приборы. Список предметов мог бы показаться довольно странным, так как трудно было догадаться, для чего собственно многие из вещей и аппаратов предназначались в предполагаемом путешествии.

Но раньше, чем знакомиться с внутренней обстановкой «Титана», необходимо сказать несколько слов о самом аппарате. Особенность его заключалась прежде всего в том, что его моторы хотя и были сконструированы по принципу Дизеля со сравнительно небольшими изменениями Форестье, но топливом для них служил «энергетон». Это было особое, комбинированное Антуаном Пармантье, вещество, которое давало огромную энергию при самом незначительном количестве и вернее вкладывалось, чем вливалось в моторы, выдавливаясь специальным механизмом из резервуаров, как сгущенный глицерин.

Самые моторы, переконструированные Форестье, были изумительно согласованы, включались и выключались с непогрешимой точностью. Кроме того, «Титан» в любой момент мог превратиться в планер и прекрасно действовал без моторов; мог, как гидроплан, опускаться на воду и плавать, а главное, при всей своей тяжести, машина не требовала никакой заводки пропеллера извне и никакого разбега, — она могла сразу подняться почти вертикально.

Так как Форестье, задумав свой воздушный корабль, имел в виду надобности обороны и нападения, то «Титан» был вооружен с ног до головы, если так можно сказать о машине. В носовой части его помещалась прекрасная пушка, по бокам были размещены пулеметы, а, кроме того, были сделаны специальные приспособления для механического сбрасывания бомб огромной силы. Все это Форестье хотел проверить в пустынях Африки при полете в Паруту.

Грузоподъемность «Титана» была очень большая. Корпус его заключал в себе четыре отделения: помещение для

авиатора и его помощника; каюту на десять человек; помещение для механической мастерской, где была также лаборатория Корбо; кухню с электрической плитой и кипятивником. Кроме того, был склад для запасов «энергетона», всякого рода технических материалов, запасы воды, вина и консервированного продовольствия; там же, в этом складе, были ящики с ружейными и револьверными патронами, пулеметные ленты, взрывчатые вещества и сигнальные ракеты.

Небольшая, но мощная динамо-машина обеспечивала воздушный корабль и его прожекторы сильным электрическим светом. На верхней части аэроплана помещалась мачта беспроводного телеграфа для приема и отправления радиотелеграмм.

Но о всех этих приготовлениях воздушного корабля, как и об его постройке, никто не знал вплоть до того дня, когда Корбо потерял все надежды на возвращение Пьера и решил немедленно приступить к розыскам исчезнувшего друга.

Вечером, 19 сентября, Корбо и Форестье произвели последние испытания «Титана». Корбо с волнением следил за работой Форестье и, когда тот кончил, нетерпеливо спросил его:

— Ну, как, Гастон?

— Хоть сию минуту!

— Браво! Итак, сегодня, в полночь.

И они, пожав друг другу руки, отправились обедать, полные сдержанной радости и торжества людей, уверенных в своем создании. Когда же наступила полночь, над виллой Корбо послышалось мерное густое жужжанье машины, и темная масса воздушного корабля послушно и легко понеслась в высь ночного неба, быстро уменьшаясь в размерах, и скрылась в южном направлении.

Никто во всем мире не знал о начавшейся экспедиции, но уже через шесть часов во всех крупных редакциях бешено работали и спешили ротационные машины, пожирая кипы чистой белой бумаги и выбрасывая на просыпающиеся улицы экстренные издания газет.

Везде крупным жирным шрифтом воспроизводилась радиотелеграмма Корбо, следующего содержания:

«Сегодня, в 12 часов ночи, я и военный летчик Гастон Форестье вылетели в страну Паруту на воздушном корабле “Титан”. Первая задача экспедиции — поиски нашего друга, Пьера Сорокина, уехавшего в Паруту несколько месяцев тому назад.

Жан Корбо».

Трудно описать то волнение, которое охватило весь Париж после утренних газет. Все были поражены этой новостью и заинтересованы, тем более, что имена Корбо и Форестье были очень популярны. Не меньшую сенсацию, чем в публике, произвела эта неожиданная экспедиция и в среде ученых. Правда, одни из них иронически пожимали плечами; другие делали намеки, что это погоня за рекламой, недостойная такого серьезного и крупного ученого; третьи говорили, что Корбо имеет какие-то данные, иначе он, молчавший столько времени, не высказался бы так ясно и определенно. Словом, всякий оценивал поступок Корбо так, как подсказывали ему характер и темперамент.

Зато широкая публика поверила на этот раз в Паруту бесповоротно, и редакции газет, идя всегда за большинством, подняли на ноги всех своих сотрудников. Десятки репортеров бросились к загородной вилле Корбо, но привратник, следуя инструкциям профессора, раздал им только фотографии воздушного корабля, не позволив войти ни во двор, ни в комнаты виллы. Это запрещение подлило масла в огонь и заставило рыскать по всему Парижу. Разведывательная горячка газет все же кое-что выудила, и в полдневных изданиях были воспроизведены фотографии с «Титана» и портреты Корбо, Форестье и Пьера. Кроме того, какими-то путями на телеграфе или еще каким-либо способом найдены были копии некоторых телеграмм Корбо в Хартум и Фашо-ду, а главное — телеграмма Эдварда Вилькса, в которой он

сообщал об отправлении Пьера по реке Собат к границам Абиссинии.

Все это со всевозможными комментариями, вперемешку с интервью разных ученых, было брошено в публику. Газеты расхватывались с боя, и везде, начиная с парламента и кончая извозчичьей биржей, только и говорили об экспедиции Корбо.

В вечерних газетах нового о полете Корбо и путешествии Пьера почти ничего не было, за исключением портрета Антуана Пармантье и его интервью по поводу «энергетона», который, как двигательная сила, впервые применен к моторам «Титана». Но зато редакция «Фигаро» в свою очередь произвела сенсацию, объявив, что через неделю она отправляет экспедицию во главе со своим сотрудником Камиллом Ленуаром. Отчеты об этой новой экспедиции будут печататься ежедневно под общим заголовком — «По следам Корбо и Сорокина».

Через несколько дней после этих событий парижская пресса опубликовала следующее письмо от Рихарда Фогеля на имя президента Французской Академии Наук:

«Господин президент!

Мною получена следующая телеграмма от профессора Жана Корбо:

“Глубокоуважаемый коллега!

Искренне сожалею, что по не зависящим от меня обстоятельствам не пригласил вас участвовать в своей экспедиции. Верьте, всю честь открытия, если это мне удастся, отнесу к вам. Все сведения во время путешествия буду направлять только к вам. Прошу не отказать опубликовывать их с вашими комментариями.

Ваш Корбо”.

Основываясь на этой телеграмме, я принимаю любезное и почетное предложение Корбо, тем более, что в науке нет соперничества, а есть только сотрудничество для отыс-

кания истины. Экспедиция Ж. Корбо является для меня моральной поддержкой, доказательством моей правоты, а посему прошу вас, господин президент, передать мою искреннюю благодарность Жану Корбо, а также опубликовать в дальнейшем те бюллетени, которые я буду присылать от имени Корбо со своими примечаниями.

Примите уверения в искреннем почтении, готовый к услугам профессор Берлинского университета Р. Фогель».

При этом письме была приложена также обширная докладная записка, в которой Фогель анализировал слово «Парута» и высказал целый ряд своих предположений. Вкратце эта записка заключала следующие положения. Фогель указывал на сходство слов — «Парута» и «Пуратту». Последнее на древнесемитских языках было названием реки Евфрата. Отсюда Фогель предполагал, что некогда народы, жившие по реке Ефрату или Пуратту, могли называться народами Пуратту или, видоизмененно, как в хотских книгах Козлова — народами Парутты. В дальнейшем, при постоянных войнах в древней Азии, народы эти могли быть оттеснены к сирийским берегам, как это случилось с финикийцами, а оттуда перебраться в Африку. В подтверждение этой мысли Фогель ссылался на многочисленные колонии финикийян и их предания, согласно которым герой Мелькарт переплыл все Средиземное море, попал в Северную Африку и основал там город Гекатомпили.

Имея в виду такие отдаленные финикийские колонии, как в Испании, легко допустить, что и другой какой-либо народ, двигаясь в ином направлении и переправившись через Красное море, мог обосноваться на африканском побережье. Одна из колоний этого народа могла уцелеть и до настоящего времени. Возможно, что небольшое племя, выдерживая напор черных рас, забралось в непроходимые горы и жило там до сих пор, в силу условий местности совершенно изолированно.

Эта докладная записка вызвала массу споров, что вместе с шумихой вокруг новой экспедиции, организуемой

редакцией «Фигаро», явилось первым отзвуком того «романа с Парутой», который начал Корбо.

IV.

Пьер очнулся от гула и рева толпы. Он чувствовал, что здоров и невредим, но все тело ныло от ушибов, и ленивая апатия сковывала члены. Медленно открыл он глаза, но сейчас же вскочил от удивления на ноги. Это было похоже на самый фантастический сон. Совершенно нагой стоял он на гранитной площадке перед мрачным каменным храмом. Внизу, у подножья ступеней к этому храму, волновалось море человеческих голов.

Дальше, среди толпы, выделялся островом большой, но совершенно плоский холм, так же, как и храм, обрамленный гранитными ступенями. На этом плоском холме, в противоположном конце его, подымалась небольшая грубая пирамида. Впереди ее можно было разобрать громадную статую какого-то божества, перед которой сверкал на солнце искусственный водоем, обложенный камнем.

Там двигались в причудливом танце или церемонии сотни людей, трубили в бронзовые трубы, и трубные звуки в известные моменты покрывались ревом толпы. Удивленный и ошеломленный, Пьер медленно перевел глаза на храм, потом огляделся вокруг себя. Он стоял на циновке, в двух шагах от него сидели, по-восточному поджав ноги, оба хартумца. У одного была перевязана нога, у другого — рука и голова. Пьер хотел окликнуть их, но, увидев, что они молятся, удержался.

Еще не отдавая себе ни в чем ясного отчета, Пьер стал рассматривать храм. Это было массивное сооружение, основанием которого являлась усеченная наполовину четырехгранная пирамида из полированных каменных кубов. Со всех сторон в этой пирамиде были высечены ступени в виде ши-

роких лестниц. На площадке этой пирамиды и находился Пьер со своими хартумцами, окруженный, видимо, жрецами храма. В середине площадки подымались мощные стены самого храма, в общем сохранявшего конструкцию пирамиды. В лицевой стене храма зияла огромная дверь с бронзовой решеткой. Над дверью вокруг всего храма выступал широкий каменный бордюр, украшенный орнаментом. Над бордюром высились стены и заканчивались зубцами.

Весь храм покрыт был скульптурными украшениями, вперемешку с высеченными клинообразными надписями. В целом получалось величественное и мрачное здание, от которого веяло жуткой таинственностью. Храм был обнесен стенами из гранитных глыб, которые, суживаясь в коридор, подходили к ступеням плоского холма.

Вдруг из храма послышались гулкие редкие удары в какой-то чудовищный барабан, покрывшие своим гудением и звуки труб, и шум толпы. С каждым ударом барабана все кругом постепенно стихало. Прекратились танцы или церемонии на плоском холме, и танцующие встали неподвижным полукругом. Народ, теснившийся около холма и храма, замер в ожидании.

Среди мертвой тишины неслись только удары барабана, и гул его, как гром, перекатывался в горах. Но вот замер последний отзвук последнего удара. Странная зловещая музыка зазмеилась из недр храма и с каждой минутой росла и ширилась и вдруг вместе с процессией жрецов вылилась из дверей храма на площадку пирамиды. Весь воздух наполнился несметными роями жужжащих звуков, будто действительно кругом порхали и реяли незримые насекомые.

Пьер не успевал следить за быстрыми сменами впечатлений от этих, казалось, сонных видений и невольно подчинялся неведомому ритуалу, как и вся огромная толпа, тесно сгрудившаяся внизу.

Впереди процессии шел главный жрец с золотым обручем на голове в виде змеи и с посохом в руках, который оканчивался не то бронзовым, не то золотым орлом, распростершим крылья. Одеты жрецы были, как и те, что танце-

вали на холме, в белые хитоны. Такие же белые пояса охватывали их стан, а за поясом у каждого было по огромному бронзовому ножу вроде ятагана.

Пьер взглянул на своих хартумцев. Загорелые смуглые лица их были бледны, но они сидели все так же неподвижно. Встретившись взглядами с Пьером, они проговорили вполголоса:

— Аллах архамту!...¹

— Уус мин билляхи!...²

Сердце Пьера сжалось, и он крикнул им:

— Аллах керим!...³

Эти дети пустыни, ради своих семей пошедшие с ним в неведомый им путь, были на его совести, ибо неизвестно было, чем вся эта история кончится. Тяжелые предчувствия, выходя из глубин подсознания, томили его.

Между тем странная процессия остановилась у верхних ступеней храма. Главный жрец поднял свой посох, музыка оборвалась, и снова мертвая тишина воцарилась повсюду.

Воздев руки, жрец начал что-то говорить мерной речью. Пьер напряженно слушал непонятный язык и уловил только два слова, часто повторявшихся: «Саин̀р» и «Бак̀б».

Когда кончил главный жрец, другие жрецы ответили ему нараспев какими-то гимнами, махая курильницами с благовонными смолами, а толпа испустила вопль, выкликая:

— Саин̀р! Бак̀б!

Жрец снова поднял посох, и снова наступило молчание.

— Аиин Парута, аиин Парута, аиин Парута, — троекратно произнес он, троекратно осеняя народ посохом, прямо, налево и направо.

Волнение стесняло грудь Пьера.

— Так вот она, таинственная Парута, — невольно прошептал он и с большей еще жадностью стал следить за происходящим, но вдруг холод пробежал по его телу.

¹ Помилуй, боже!..

² Спаси нас, боже!..

³ Бог милосерд!..

Звериный рев толпы прокатился по громадному цирку, и все жрецы обратились лицами к своим пленникам. Выражение этих лиц было до того отвратительно и гнусно, что Пьер содрогнулся. Глаза жрецов противно маслялись, а толстые губы, смоченные слюной, плотоядно кривились.

Загудела музыка, потом барабан ударил три раза. Жрецы сразу простерлись ниц перед пленными. Послышался леденящий кровь вопль какой-то женщины, и Пьер заметил, что позади преклонившихся жрецов стояли красивые молодые девушки с причудливыми музыкальными инструментами, и одна из них пела. Но это было не пение, а плач отчаяния, острыми иглами вонзающийся в сердце. К запевшей присоединился весь хор. Было нестерпимо мучительно это надгробное рыдание.

Хартумцы сидели, как застывшие, и только губы их шептали зурэ из корана, взывая к аллаху. Но вот пение так же внезапно оборвалось, как и началось, с ударом барабана. Жрецы поднялись с земли, и главный из них коснулся посохом груди Пьера и обоих хартумцев.

Из дверей храма вышло семь девушек, совершенно нагих, но в золотых и бронзовых украшениях. Три несли по большому кубку, у двух была в руках ваза с водой из кованной бронзы, у двух остальных было что-то вроде длинных полотенец. Увидев воду, Пьер почувствовал только теперь, что его мучит страшная жажда. Еще большую жажду, вероятно, испытывали хартумцы, приковавшиеся к сосуду с водой.

Девушки медленно приблизились к пленным, словно ожидая приказаний. Главный жрец снова коснулся посохом. Пьера, произнеся: «Бакаб», и коснувшись хартумцев, произнес: «Саинур». Первая девушка, которая была красивее других, вылила свой кубок в вазу с водой и снова, почерпнув зарозовевшую влагу, наполнила кубок. Потом поднесла его Пьеру. С жадностью припал он к кубку и большими глотками пил вкусный ароматный напиток, пьянящий, как вино.

Между тем две другие девушки подали арабам-хартумцам по кубку с неразведенным напитком. Те почти залпом

выпили их до дна, и лица их просияли от удовольствия. Как только девушки взяли кубки обратно, главный жрец вскинул руки вверх и в диком экстазе воскликнул:

— Аиин Парута! Аиин Бакàб! Аиин Саиннùр!

Его крик подхватили жрецы и толпа, и снова загудела жужжащая музыка.

Пьер чувствовал, как кровь начинает гореть в его жилах, и опьянение кружит голову. Как-то сразу упало все его нервное напряжение, все впечатления притупились, и нега и истома овладели им. Все же он замечал еще, что разговарившие глаза жрецов жадно следили за хартумцами, почти не обращая внимания на него.

Оба хартумца все так же сидели на циновках, но что-то говорили между собой, смеясь бессмысленно-радостным смехом. Пьяные жесты, и покачиванье, и возбужденные глаза достаточно говорили об их состоянии. Но вот все члены их стали слабеть, и они только смеялись, как слабоумные, а лица выражали чисто-животное блаженство.

Один из жрецов приблизился к ним и несколько раз уколол каким-то острым орудием ноги на ступнях и ладони рук. Правда, хартумцы вяло отдернули руки и ноги, но, казалось, не поняли ни боли, ни крови, которая струилась из ранок. Главный жрец простер над ними свой посох, и к пленникам приблизились девушки. Они поставили вазу с водой, омыли их с ног до головы, обвинили длинными тканями, словно спеленали. Только грудь и живот остались открытыми.

Ужасная мысль мелькнула в туманящемся мозгу Пьера, и волосы его зашевелились, но хартумцы, еле ворочая языками, что-то бессвязно болтали и продолжали бессмысленно улыбаться. Они лежали теперь на спинах, друг около друга. Два жреца приблизились к ним и, достав со дна сосуда два мокрых квадратных платка, покрыли лица хартумцев.

Гулкий удар барабана опять потряс воздух. Жрецы отступили назад, опустившись на корточки, а девушки начали бешеный танец вокруг хартумцев, извиваясь в сладострастных движениях и звеня металлическими украшения-

ми. Рев толпы заставил Пьера оглянуться, и он увидел, что вся толпа скачет в дикой пляске на одном месте. Полный отвораченья, боясь потерять сознание, невольно опять обратился он взоры на хартумцев. Он не помнил, сколько длились пляски и крики, — в ушах его стоял звон, земля качалась под его ногами, в глазах на моменты темнело. Смутно замечал он, как стучали его зубы и дрожало все тело. Смертная тоска подкатывалась к сердцу.

Вдруг опять все смолкло. Пьер ясно, но будто где-то далеко, увидел, как те же два жреца, блеснув бронзовыми ятаганами над хартумцами, сразу рассекли грудь того и другого и, бросив ятаганы, вырвали сердца их. Инстинктивно рука Пьера схватилась за револьвер, но только скользнула по обнаженному бедру. Вихрь негодования, гнева и ужаса сдавил его грудь, он вскрикнул и потерял сознание...

* * *

Пьер очнулся в каменной комнате на мягких перинах. Около него сидела прекрасная девушка, подававшая ему кубок, и шесть других. Девушка улыбалась ему и гладила нежными руками по лицу и груди.

— Лину Бакаб,—сказала она нежно.

Пьер, широко открыв глаза, смотрел ей в лицо и силился что-то вспомнить. Ему чудилось, что он видел призраки, в голове вертелись обрывки мыслей, мелькали картины недавно пережитого, но отдельными моментами без всякой связи.

— Лину Бакаб, — повторяла девушка и добавила, — коалля ррунну?

Пьер не понимал ее, и странный калейдоскоп видений, кружившийся в его мыслях, все еще ускользал от его сознания. Но вот внезапно все прояснилось. Он вспомнил все; стон вырвался из его груди, и бледность покрыла лицо.

Когда сознание снова вернулось к нему, он опять увидел над собой лицо девушки и услышал слова:

— Лину Бакàб! Коаляо ррунну?

Машинально, не отдавая себе отчета, он повторил за ней:

— Коаляо ррунну...

Она радостно вскочила и принесла ему жареную на вертеле птицу и плоды банана.

Прилив энергии охватил его, и мысль заработала ясно и отчетливо. Он понял всю обстановку, понял, что жители Паруты приносят человеческие жертвы своим богам, и что их культ сходен с культом и древних сирийцев, и древних мексиканцев. Почему-то ярко, по какой-то прихоти воображения, ему вспомнились и прощальный обед на вилле Корбо, и слова его патрона:

— Прошлое бывает для человека лучшим, но для человечества — никогда!

Это воспоминание удесятило его силы. Он должен, во что бы то ни стало, вырваться из плена, и необходимо искать выхода из этого положения.

— Нужно прежде всего, — думал он, поглощая предложенную пищу, — изучить их язык.

Начало уже было сделано, он знал одну фразу: «коаляо ррунну», что означало — давать пищу. Он сознавал, вернее, ощущал всеми фибрами, что висит на волоске, что смерть ходит вокруг него, цепко охватила его своей паутиной и зорко сторожит.

— А если не спастись, — воскликнул он, — то нужно дорого продать свою жизнь!

Это были странные настроения, но все же вся его воля и мысль стремились стихийно к изысканию путей спасения. Он видел, отмечал и учитывал каждую черту, каждую мелочь, и все это было для него ключом понимания совершающегося вокруг него и диктовало линию поведения.

Девушка, улыбаясь, смотрела на него, видимо, не зная, как говорить с ним. Но вот, указав на себя, произнесла:

— Бириàс!

— Бириàс, — повторил Пьер, догадываясь, что она назвала свое имя, и, указав на себя, сказал:

—Пьер.

Но Бириас отрицательно покачала головой и твердо проговорила:

— Лину Бакаб!

Припоминая ужасную церемонию, Пьер понял, что слова: «Парута», «Бакаб» и «Саинур» означают имена божеств, что хартумцы принесены в жертву Саиниру, а он обречен Бакабу. Этим отсрочена его смерть.

Указывая на разные предметы комнаты, вернее — каменного склепа, с одним огромным окном сбоку, Пьер быстро составил себе маленький словарь и стал уже улавливать конструкцию речи, как отдернулся занавес в стене, открыв широкую дверь в другую комнату.

Там он увидел огромного каменного идола в виде сидящего мужчины с крестом. Крест стоял между колен его, а на кресте изображена была каменная фигура распятого. Неопределенное чувство охватило Пьера. Это напоминало ему христианство, и смутная догадка подсказала, что ему предстоит быть трагическим актером в какой-то божественной комедии.

Жрецы рядами стояли вокруг статуи бога, а у ног ее он заметил свою одежду, свой нож, свой пояс с патронами и револьвер. Он чуть не вскрикнул, чуть не бросился к оружию, но инстинкт опытного путешественника, знакомого с дикими племенами, удержал его. Он встал с мягких перин, и сейчас же группа жрецов приблизилась к нему с жестами божеского почитания. Он вгляделся в черты их и узнал знакомый тип семитического племени таким, каким он его помнил по древним картинам египтян. Это были потомки финикиян или другое, но родственное финикиянам племя.

По приглашению жрецов Пьер приблизился к статуе божества и стал ближе к оружию. Теперь он почувствовал себя самым собою и зорко следил за всеми движениями жрецов.

Торжественно приблизился к нему главный жрец и, омочив палец в душистом масле, поставил Пьеру крест на лбу и на груди. Потом, поклонившись до земли, отошел от него, а другие жрецы подошли с широким плащом белого цвета и облачили в него, накинув на плечи, Пьера.

Снова выступив вперед, главный жрец сказал несколько слов, среди которых Пьер разобрал знакомое имя — Бириас — и девушка встала пред жрецом на колени. Тот коснулся ее посохом и, взяв ее за руку, поднял и подвел к Пьеру. Она склонилась пред ним и поцеловала бедра его. То же сделали по указанию жреца еще три девушки.

Жрецы откровенными жестами объяснили Пьеру, что все четыре женщины принадлежат ему. Знаками же дали понять ему, что Пьер, или, как они его звали, Лину Бакаб, может требовать все, что захочет, и желания его будут исполнены.

Пьер, уяснив свое положение и чтобы отвлечь внимание от револьвера, указал на свой охотничий нож. Жрецы переглянулись с улыбкой, а главный жрец сделал знак, и нож унесли. Пьер почувствовал, что он бледнеет. Наступал решительный момент.

Подойдя ближе, он указал на револьвер и, чтобы ввести в заблуждение жрецов, стал насвистывать первый попавшийся мотив, указывая то на свой рот, то на револьвер. Жрецы взяли револьвер и с любопытством стали рассматривать его. К счастью, револьвер был поставлен на предохранитель, что сделал Пьер из предосторожности, когда взбирался на каменную гряду, заградившую им путь. Жрецы всовывали пальцы в дуло и вертели непонятный для них музыкальный инструмент.

Снисходительно улыбнувшись, главный жрец сделал знак, и револьвер оказался в дрожащих руках Пьера. Неимоверными усилиями он сдержал свою радость и, приложив дуло к губам, извлек из него несколько гармонических звуков, какие получаются, если дуть в горлышко бутылки. Ободренный успехом, Пьер попросил свой кожаный пояс с двойным рядом блестящих никелированных патронов.

Когда Пьер почувствовал, как холодная кожа пояса обтянула его обнаженную талию, он, сжимая в руках револьвер, радостно засмеялся, как ребенок. Жрецы смотрели на него, и надменно-снисходительная улыбка чуть кривила их губы. Они не знали огнестрельного оружия. Пояс с патронами приняли, видимо, за украшение, а револьвер пред-

ставлялся им плохим музыкальным инструментом, так как исполнение на нем Пьера вызвало только презрительные гримасы, зато нож они оценили по достоинству и тотчас же унесли его подальше.

— Теперь я спасен! — громко сказал Пьер.

Он вложил револьвер в кобуру при поясе и, скрестив руки, стал ожидать, что будет дальше. Владея оружием, он успокоился, и мысли его невольно летели к Корбо. Пьер понимал, что даже с револьвером в руках, при всем эффекте стрельбы, он не сможет справиться с целым народом. Единственно, что он мог бы сделать, это постараться отыскать хоть какую-нибудь лазейку из этой ужасной ямы. Лишь тогда револьвер мог помочь ему в защите от преследователей.

— Только бы, — шептал Пьер, — скорее они построили «Титан»!

Между тем около него продолжались религиозные церемонии. Произнося молитвы и гимны, жрецы обнесли вокруг статуи бога дымящуюся благовонную курильницу и, поставив у подножья каменного идола, сделали знак девушкам. Те поклонились божеству, потом Пьеру и жестами пригласили его в ту комнату, где он был раньше, лежа на мягких перинах. Эта комната была, очевидно, отведена ему и его четверем женам.

Широкий занавес медленно задернулся за ними, лишь только они переступили порог.

Когда они остались одни, Бириас подошла к Пьеру и, указав на окно, сказала:

— Лину Бакàб, зунна аушаòр?

Пальцами она изобразила идущие ноги.

Поняв, что ему предлагают прогулку, Пьер радостно согласился. Ему нужно было ознакомиться с расположением храма и его окрестностями. Девушки, захватив корзины с бананами и смоквами, пошли к стене, где висела темная шкура буйвола. Здесь оказалась низкая дверь в темный коридор. Бириас, взяв за руку Пьера, повела его по ступеням куда-то вверх. Постепенно тьма рассеивалась, и скоро яр-

кие косые лучи солнца облили радостным светом ступени и своды мрачного коридора.

Они вышли к главным дверям храма с бронзовой решеткой. Жрец-привратник выпустил их беспрепятственно, молча поклонясь Пьеру. Они быстро миновали ужасную площадку и спустились по ступеням. Вдоль каменной стены храма они подошли к холму со ступенями, где совершались недавно пляски и церемонии под трубные звуки. Пьер хотел подняться на холм, но девушки в страхе загородили ему дорогу, и Бириас, указывая сначала на храм, потом на небо, раздельно и внушительно сказала ему:

— Лину Бакаб! Пирруа пирра Парута.

Они подошли к узкой калитке в стене, где стояли два жреца с бронзовыми копьями, и пошли по измятой и истоптанной ногами траве. Было ясно, что это следы недавно бушевавшей здесь толпы и что жертвоприношения совершаются не очень часто, раз трава успела заткать зеленым ковром все пространство от холма до реки и серебрившегося вдали озера.

Он окинул взглядом горизонт — повсюду громоздились вершины и хребты гор, а позади храма, круто уходя ввысь, белела прекрасная снежная вершина горы Лунного духа. Казалось, какой-то гигантский циркуль прочертил эту линию по бокам столпившихся горных громад. Выбраться из этой каменной ямы не было никакой возможности.

Тоска защемила сердце Пьера, но он взял себя в руки и с удвоенной энергией начал обогащать свой словарь парутского языка, спрашивая названия всех встречающихся предметов. Так подошли они к озеру. Заросшее по краям тростниками, оно было очень глубоким, так как прозрачная чистая вода, покоившаяся на камнях около берега, дальше, к середине, темнела и делалась непроницаемой.

— Здесь, вероятно, было жерло потухшего вулкана, — невольно подумал Пьер.

Они отошли верст на пять от храма, когда пред ними круто поднялся зеленый холм, поросший акацией и орешником. На этот раз без возражений со стороны своих жен Пьер поднялся вместе с ними на вершину холма. Отсюда

было видно всю страну Паруты, но еще круче и выше подымались по краям ее каменные стены цирка. Сбегая с отвесных склонов горы Лунного духа, вилась по зелени лугов среди возделанных нив, где работали люди, небольшая речка. Наделав раскидистых серебряных петель, прячаь местами в пальмовых и оливковых рощах, она впадала в широкое озеро.

Вдоль ручейков, у отводного канала и вокруг болота густо росла серебристая ива, а там, на невысоких холмах, темнели пробковые дубы, смоковницы, и погребальными факелами стояли печальные кипарисы. Повсюду были разбросаны кусты тамаринда, орешника и розовели благоуханными цветами густые заросли олеандров.

Обильная почва, удобренная вулканическим пеплом, насыщенная влагой с гор и тропических дождей, буйно и пышно показывала свое плодородие. Пьер залюбовался картиной, развернувшейся вокруг него, но недоумевал, где же деревни и поселки людей. Только долго всматриваясь, он заметил то там, то здесь легкие дымки над группами конических тростниковых кучек. Он вспомнил южные степи Румынии и догадался, что это землянки. Память подсказала ему, что такие же землянки, ямы с крышей, делают и армяне Закавказья.

— Они несомненно иранцы, — сказал Пьер, подумав о жителях Паруты.

Он продолжал свои наблюдения — его очень удивило, что, кроме нескольких стад буйволов, он не видел никаких других животных. Крики петухов и кудахтанье кур недалеко напомнили, что всю дорогу им встречались эти домашние птицы и что жаркое, каким его угостила Бириас, было тоже из курицы, как и перины в его помещении были из куриных перьев. Перья же петушиных хвостов украшали волосы девушек, отданных ему в жены.

— Куриное царство, — улыбнулся он, забыв на минуту о своем безвыходном положении.

— Лину Бакаб, — обратилась к нему Бириас, — коаляо ррунну?

Пьер машинально взял и стал есть поданные ему бананы и смоквы, но мысли его снова мрачными змеями обвили его сердце. Он догадался, что сегодня ничто не грозит ему, так как он не познал своих жен. Было ясно, что ритуал требовал, чтобы девушки имели от него потомство. Это значило, что он не будет умерщвлен скоро. Но какой ему дан срок и когда роковой час, он не знал. Только овладев языком, он сможет узнать это, и он возобновил сейчас же уроки с Бириас.

Эта девушка, должно быть, назначена старшей, так как она одна говорила с ним, а другие девушки повиновались ей.

Пьер внимательно осматривал их. Они все были черноволосы, большие миндалевидные глаза их веяли томностью и негой Востока. Тела их были стройные, но пышны, с широкими бедрами, упругие груди вздымались кверху. Они походили на еврейских девушек-караимок, особенно по смуглому цвету своей кожи.

Бириас была выше и стройнее других, но и в ней, как в остальных, будто кипело и клокотало сладострастие, наполняя все тело, разливаясь в гибких, скользящих движениях стана. Влажные карие глаза их то блестели в темных ресницах, то темнели расширенными зрачками, как бездонные пропасти...

Косые лучи опускавшегося солнца бросали уже темные длинные тени, и причудливые хребты и вершины гор непрерывно меняли окраски — на них появлялся то розовый, то лиловый, то голубой отсвет, будто прозрачные волны пробегали по ним. Но вот сразу в лазури неба выступил мягкий, темнеющий бархат, и небо сдвинулось нежным шатром, засветившись звездами, а слева, у горы Лунного духа, ясно обозначился золотисто-серебряный серп молодой луны.

Пьер указал на луну, желая узнать, как ее называют.

— Саинир, — ответила Бириас и, улыбнувшись, добавила, указывая на Пьера, себя и девушек, — Саинiр, Саинiр, Саинiр.

Пьеру на мгновение представилось, что его и девушек ожидает та же участь, что и арабов-хартумцев. Очевидно, Бириас догадалась об этом. Она нежно, в первый раз, обняла его и поцеловала. Потом, показав три пальца, сказала:

— Са-и-нёр.

Пьер начертил на земле три палочки и рядом серп луны.

— Три саинир, — проговорил он вслух.

Бириас обрадовалась и, указав на три палочки, радостно повторила:

— Три! — и потом, указав на луну, добавила, — саинир.

Теперь у Пьера не было сомнений, что ему дано жить со своими женами три саинир, три луны, то есть три недели. Очевидно, счет шел по фазам луны, и чтобы проверить это, Пьер стал изучать числительные. Это оказалось очень легко, так как корни названий чисел были иранские. Три луны, как выяснилось, было — 22 дня. Счет в Паруте был лунный. Неделя называлась малая саинир, месяц — большая саинир, год — круг солнца.

Этот день был днем откровений для Пьера, а возвращение оружия — его радостью.

* * *

В неге пряных и теплых сумерек, сопровождаемые стрекотаньем цикад, они возвращались к храму. Из глубины цирка небо казалось темнее, а сквозь прозрачный горный воздух, переливаясь, горели яркие звезды и мигали золотыми ресницами. Млечный путь перепоясывал все небо, — будто светляки, которые порхали между кустов тамаринда, устремились потоками на небо и льются, льются, неведомо куда.

Ночь пьянила и ласкала, а дыхание девушек, обнявших Пьера, жгло его щеки, плечи и шею. Никогда ему жизнь не

казалась так сладка, как теперь, когда невидимый меч был занесен над его головой.

Вот прошли они высокие гранитные ступени, спустились по темному коридору, и сразу запах фимиама от курильниц храма охватил их своими волнами. Пьер чувствовал около себя порывистые дыхания своих четырех жен, они нежно касались его и скользили вокруг его тела теплым атласом своей кожи.

— Три недели, — шептал он, — три недели! О, это много, это достаточно, чтобы спастись...

В комнате, отведенной ему, посреди пола стоял бронзовый светильник, и пламя, пожирая через фитиль прозрачное масло, трепетало, дрожа и удлиняясь. Пьер опустил-ся на свои перины, и томная нега обволокла его члены. Вдруг запорхала чуть слышная музыка, будто хоры цикад зазвенели под сводами храма и чуть видные, маленькие колокольчики зазвонили серебряными и стеклянными звонами. Это девушки, жены Пьера, касались пальцами каких-то странных струнных инструментов и дули в металлические трубки, похожие на дудки степных башкир.

Бириас не было в комнате, она исчезла куда-то и явилась с сосудом на голове и с кубком в руках. Сняв грациозно сосуд, она наполнила кубок и с потемневшими глазами, вздрагивая нежными ноздрями, подала его Пьеру. Но тот колебался, тогда она залпом выпила весь и другой налила и протянула Пьеру.

Он выпил. Опьяняющая волшебная жидкость влилась в него, охватила всю грудь и тонкими жгучими струйками побежала по всему телу. Он видел, как одна за другой запрокидывали кубки его жены, чуть слышно звеня серьгами и запястьями на руках. Сладкий туман неизъяснимых желаний наполнил всю комнату, а звуки пели и звенели, будто звучал этот чарующий и влекущий туман.

Сорвав пояса, замелькали перед ним прекрасные фигуры, изгибаясь в опьяняющем танце, в том сладостном танце, в каком Иродиада исторгла из уст Ирода обещание на главу Иоканаана. Все отлетело от Пьера, и прошлое и бу-

дущее, только текущие огненные миги закружили его несказуемым очарованием.

Будто желанья и страсти всей его юности влились в его сердце, и жадно-безумными взглядами он следил за прекрасной Бириас, которая, как бабочка, кружась у огня дрожащей свечки, жгла его желанием своих обезумевших глаз, неотрывно вонзавшихся в сердце Лину Бакàба — Пьера.

— Бириас, Бириас, — страстно шептали его губы, и она одна была ему желанной, и ей одной он готов был отдать весь трепет своей жизни и все, что жило в груди его.

Но вот, вспыхнув и зазмеившись, угаснул светильник. Сладостно сомкнулся бархатный мрак, и бархат и нега разгоряченных тел заскользили вокруг Пьера. Восемь рук сжимали его в объятьях, и все тело его, волнуясь, дрожало от жгучих лобзаний.

— Бириас! — глухо, срываясь, воскликнул он, и сердце задохнулось в груди.

— Лину Бакàб, — услышал он трепетный шепот у своих уст, и его губы слились с устами Бириас...

V.

Пересекши залив Сидра, мощные крылья «Титана» резали воздух над знойной Ливийской пустыней. Слева, внизу, зелеными пятнами замаячили оазисы, а дальше блистал, как нить жемчугов, царственный Нил. Бесконечные желтые пески и каменистые плато будто проваливались вниз позади несущегося аппарата, а впереди, из-за горизонта, вырастали непрерывно все новые и новые просторы бескрайней пустыни.

После небольшой остановки «Титан» мчался к Хартуму. Это было время третьей луны — саинир, двадцатый день, недалекий от рокового предела, который положен был Пьеру. В сущности говоря, эта остановка в Ливийской пустыне

совсем не нужна была для воздушного корабля. Он мог безостановочно облететь вокруг всего земного шара, но у него был всего один пилот. Несмотря на некоторое упорство Форестье, все же Корбо заставил его спуститься для отдыха. Форестье настаивал на том, что в Хартуме все равно нужно остановиться для справок о Пьере и что он отдохнет в Хартуме. Но Корбо не уступил.

«Титан» идеально спланировал, опустился на вершину холма и стал на нем, как гигантский орел с развернутыми крыльями. Форестье, выпив стакан вина и закусив ветчиной, моментально заснул, как убитый. Корбо, выспавшийся во время ночного полета, вышел побродить по пустыне. Он с удовольствием просидел несколько часов недалеко от «Титана», впервые испытывая ощущение полного одиночества. Конечно, он знал, что рядом — мощные крылья, которые в любой момент могут унести его куда угодно. Но все же он впервые почувствовал пустыню, как, вероятно, чувствует ее туарег или тибет, когда его одnogорбый верблюд, пригибая шею к земле, мчится по узорным пескам.

Он любовался далеким миражем с фантастическими башнями и домами, с финиковыми пальмами, отражавшимися, словно в зеркале, в мнимом озере из сгущенного знойного воздуха. И теперь, когда аппарат плавно неся к Хартуму, Корбо еще чувствовал на плечах знойную ласку солнца, а душа его была еще полна безглагольностью пустыни.

Но вот слева выдвинулся ближе загиб Нила в том месте, где третий порог. Тонкими паутинками блеснули по ту сторону великой реки рельсы, и какая-то ничтожная гусеница ползла по ним, выбрасывая клубочки белого дыма. Это был железнодорожный путь к Хартуму, а там, дальше на юго-восток, почти за тысячу километров, будто чуть видные тучки, плыли в воздухе далекие вершины Абиссинских гор. Только с высоты полета «Титана» их можно было видеть отсюда. Но вот слева, прямо навстречу им, несется Нил, приближаясь и ширясь. Ясно видна огромная вилка, образующаяся от слияния Белого и Голубого Нила, и блестящие залитые солнцем белые стены и мечети Хартума.

Сердце Корбо тревожно забилося. Здесь он узнает о Пьере, может быть, встретит его. Вдруг Форестье тревожно оглянулся и что-то крикнул Корбо, указывая вниз. Корбо взглянул. Две какие-то точки маячили на желтом песке. Корбо схватил зрительную трубу и увидел двух коней со всадниками, бешено мчавшихся к Хартуму.

— Это Пьер, — крикнул Корбо, — спускайся, Гастон!

Но аппарат уже давно делал круги. Форестье чутьем военного летчика схватил обстановку раньше Корбо. Теперь уже ясно было видно, что на конях европейцы — мужчина и женщина.

Аппарат, сделав эффектный вираж, медленно опустил-ся перед изумленными всадниками.

После небольшого замешательства те подскакали к летчикам. В мужчине Корбо с радостью узнал французского представителя Жака Фрэми. Тот соскочил с лошади и представил мисс Нэсмайс, дочь английского представителя, свою невесту. Смелая англичанка хотела прокатиться по пустыне, и вот, в тридцати километрах от Хартума, эта неожиданная встреча.

Корбо расспросил о Пьере, но Фрэми ничего не мог сообщить ему нового, сказав только, что дал ему самых надежных хартумцев, во главе с Ибрагимом, которого знал и Корбо.

На все просьбы Фрэми и мисс Нэсмайс заглянуть в Хартум и провести с ними вечер, Корбо решительно отказался, прося извинить его, так как он спешит по следам Пьера, судьба которого никому не известна.

Простившись, Корбо и Форестье, сопровождаемые добрыми пожеланиями Жака Фрэми и мисс Нэсмайс, вылетели в Фашоду.

В этот же день длиннейшие телеграммы от местных корреспондентов посыпались в Париж, Лондон и Берлин. Новая сенсация о «Титане» облетела весь мир. В 11 часов ночи этого же дня все улицы Парижа были наводнены экстренными выпусками крупных газет, и в то время, когда газетчики выкрикивали имена Корбо и Форестье, неустан-

ный «Титан», глотая пространство, приближался к Фашоде.

Великолепная лунная ночь заливала все просторы своим магическим сиянием. Лентой голубого фосфорического света, кое-где вспыхивая серебряно-белыми пятнами, вкрадчиво поблескивал Нил, а дальше, как змея чешуей, отсвечивала река Собат. Будто фантастические декорации, стояли в серебряном свете неподвижные пальмы, и темным бархатом простерлись повсюду густые заросли кустов и камышей. Огоньки города талыми льдинками дрожали в синей мгле то одиночками, то группами, то низались, как бусы, вдоль улиц.

Форестье выключил мотор, и неизъяснимая тишина африканской ночи сковала все своим очарованием. Только чуть слышно шумел и свистел воздух вокруг аппарата, который спускался все ниже и ниже, беззвучный, как полет козодоя или летучей мыши. Земные звуки стали долетать до Корбо и Форестье — жалобный вой шакалов и неясный шум неуснувшего еще города.

Не желая создать излишней суматохи и, может быть, паники, Форестье погасил огни в каюте и стал спускаться, не прибегая к помощи прожекторов. Через несколько минут «Титан» уже стоял среди обширной поляны, поросшей тощей, высохшей от зноя травой. Быстро катясь по земле, они приблизились к окраине города. Форестье дал верхний свет, и яркий сверкающий круг лег во все стороны от «Титана».

Вооружившись, Корбо вышел из каюты воздушного корабля и направился по знакомым улицам к дому Эдварда Вилькса. Вскоре к «Титану» явилась охрана, высланная Вильксом, а Форестье была передана записка от Корбо, в которой он просил его придти к Вильксу вместе с посыльным, не боясь за судьбу аппарата.

Но Форестье отказался наотрез, ответив, что он ночует в каюте. Оглядев внимательно стражу, он указал им места и загасил верхний свет. Потом, запершись в каюте, он приготовил себе горячий ужин и, покуривая сигару, стал изу-

чать карту Абиссинских гор. Через час, погасив свет и убедившись, что стража на местах, он уже спал.

Корбо в это время, потягивая виски с содой, сидел против Эдварда Вилькса и расспрашивал о Пьере.

— Скажите, милый Эдвард, — говорил он, — вы знаете здесь все окрестности, как пять пальцев, что может угрожать путешественнику?

— Не знаю, — ответил Вилькс, — люди с вашим другом, как вы говорите, надежные. Да и если бы что случилось с ним, они бы вернулись. Нападений здесь быть не может, особенно у абиссинской границы, куда он добрался, по словам лодочников. Туда постоянно ходят и ездят люди за кофе и масляничными плодами, и пока нет слухов о грабежах и убийствах. А вы ведь знаете, что здесь, как и в пустыне, слухи разносятся с быстротой телеграфа.

Он неожиданно умолк, словно поймал какую-то мысль, которая может объяснить запутанное положение. Корбо ждал с нетерпением, что он скажет.

— Дорогой профессор, — начал Вилькс, — а не думаете ли вы, что теперь в Абиссинии начались дожди? У нас три дня тому назад прошел первый чудовищный ливень. Теперь 21 сентября...

— Браво, — подхватил Корбо, — мысль верная. Их, вероятно, отрезало горными потоками, и они отсиживаются в каком-нибудь дуаре!

— Или просто в горах, — добавил Вилькс.

Эта мысль успокаивала Корбо, и он, как и все в таких случаях, жадно уцепился за версию Вилькса.

Долго, уже лежа в гамаках, они беседовали на эту тему, а Корбо развивал план осмотра гор и подробно расспрашивал о верховьях реки Собат и о том дуаре, который расположен у лесного болота, возле истоков реки. Наконец, они смолкли, решив заснуть как можно скорее, так как отлет «Титана» предполагался рано утром.

VI.

Пребывание Корбо и Форестье у Вилькса в Фашоде совпало с кануном рокового дня для Пьера, для Лину Бакаба, как его теперь звали.

Уже две малых луны-саинир прожил Пьер в таинственной стране Паруты. Он вполне овладел ее языком, изучил все окрестности и наметил план побега. За это время он привязался к своей Бириас, дочери главного жреца, которая искренне полюбила его со всем пылом юности первобытной женщины. Она была исключительной девушкой в своей среде и была на голову выше других жен Лину Бакаба.

Вообще племя парутян, по наблюдениям Пьера, было очень даровито, но дикий фанатизм, горевший безумною страстью, жестокость и пренебрежение ко всему, что не их крови, делало их отвратительными. Это особенно бросалось в глаза в отношениях правящей жреческой касты к другим жителям Паруты. Насколько Пьер мог определить сам и использовать предания, рассказанные ему Бириас, народ Паруты состоял из смешения нескольких племен.

В далекие времена откуда-то, Бириас этого не знала, ее предки пришли сюда. С ними были рабы, которые умели обрабатывать поля, разводить скот и строить храмы. Давно, очень давно они поселились здесь и выстроили этот храм много лет спустя после переселения. Тогда вел их сюда бог Парута и здесь помогал своему народу. Под защитой Паруты они боролись с разными племенами и завоевали все земли вокруг, а корабли — это водяные буйволы Паруты, — пояснила Бириас, плавали там, где много воды, и привозили бронзу, одежду и оружие из далеких стран.

Но народ прогневил Паруту, и он оставил его. В гневе потряс он горами, сверкал молниями и огнями, и голос его гремел сильнее, чем барабан в храме. Но народ Паруты, замкнутый в горах, раскаялся, и жрецы принесли своих первенцев в жертву разгневанному богу. Испив крови детей,

не знавших первородного греха, он смягчился. Он послал им священную Саинұр, любящую кровь людей, и обещал снова послать им искупителя-сына, Лину Бакаба, как посылал его однажды там, откуда пришли они.

— И вот ты — Лину Бакаб, — простодушно добавила Бириас, целуя колено Пьера, — но я не хочу, чтобы ты ушел от нас! Я люблю тебя человеческим сердцем. Я не хочу, чтобы ты умер, и, воскресши, опять бы ушел навеки в страну, где отец твой, Парута.

Бириас сообщила также, что последние годы рабы новались, они плохо работали на жрецов храма. Рабы говорили, что их становится меньше и меньше, а Саинұр требует каждый месяц жертвы из людей с темной кожей и один раз в год упивается кровью всех их первенцев, родившихся в день ее праздника. Матери скрывают детей своих, и жрецы, вооруженные копьями и ножами, ходят повсюду и ищут.

Несколько лет назад, когда Бириас была еще ребенком и не надевала пояса на бедра, — одна деревня не дала своих первенцев, и жрецы разрушили ее и всех сто пятнадцать нечестивых ее обитателей возложили на алтарь Саинұр. Народ испугался, но жрецы помиловали остальных, и они ели жертвенное мясо непокорных и, опьяненные пищей, три дня и три ночи праздновали праздник богини любви Саинұр, и все черные девушки, которых много при храме, раздавали им ласки в течение двух лун, и ни один мужчина не остался без объятий, приходя в священную рощу.

В храме же молодые жены рабов плясали с жрецами священные пляски и разделяли их ложе, а жены и дочери жрецов служили им. Так повелел Парута устами отца ее, главного жреца, чтобы больше плодилось народа и чтобы кровь не иссякала на святых алтарях.

— Только мы, четыре избранных, не должны были знать мужчины — мы обречены были Лину Бакабу! — воскликнула Бириас, — и ты пришел к нам, супруг наш!..

Пьер слушал эти рассказы наивной, но прекрасной, юной и в то же время древней женщины, и гнев, отвращение и ужас темнили глаза его.

— Ты веришь, — спросил он однажды Бириас, когда они были одни, — что я Лину Бакàб, сын Паруты...

Вместо ответа она поверглась ниц и облобызала его ноги.

— Ты любишь меня?—спросил Пьер.

— Я возьму нож, — прошептала Бириас, — а ты пронзи мою грудь и острым концом долго ищи мое сердце! Я буду и тогда любить тебя и целовать твою кровавую руку, пока сердце не истечет кровью.

— А если я уйду отсюда, не дав искупленья, ты пойдешь со мной?

Бириас побледнела и, пугливо озираясь вокруг, молчала. Пьер видел, как дрожало мелкой дрожью все ее тело. Но вот она приблизила уста к его уху и прошептала, вспыхивая страстью:

— Лину Бакàб, я умру с тобой вместе, и мы улетим обнявшись, к отцу твоему Паруте.

— Нет, — сказал Пьер, — мы оба, живые, уйдем отсюда, если ты захочешь помочь мне. Я могу бросать огненные молнии и убивать людей. Отец мой, Парута, не хочет, чтоб я был снова пригвожден ко кресту. Он сказал мне.

— Но ты —белый, — возражала Бириас, — а священные надписи говорят, что сын Паруты с белой, как снег, кожей придет, став человеком, будет мучим за грехи мира, распят и воскреснет... Так говорит бог, и ты не будешь богом опять, если не исполнишь завета...

— Бириас, — проговорил Пьер, — я люблю тебя, как мужчина любит женщину, и с тех пор, как узнал тебя, не хочу быть богом. Мы бежим с тобой в далекие страны, и пока не умру я, ты будешь моей женой...

Пьер замолчал, видя, как напряженно работает мысль Бириас и какая борьба ураганом кипит в груди ее. Но вот словно похудело лицо ее, став одухотворенным, и большие глаза взглянули на него особым кротким и чистым взглядом женщины, когда она отдает всю свою душу. Она еще не сказала, но Пьер прочел ответ на ее лице, не умевшем лгать, как чистосердечно лгут лица европейских женщин.

— Я — раба твоя! — проговорила она, — приказывай, и все я исполню, хотя демоны потом возьмут мою душу.

— Я прогоню всех демонов, — шептал ей Пьер, — я сильнее всех жрецов храма!

Он страстно обнял ее, он был тронут до слез, ибо понял всю глубину жертвы этой первобытной души, понял, сквозь какие ужасы суеверий и фанатизма прошла любовь Бириас. Она отдавала ему свою жизнь и земную, и загробную.

С этого дня новый внутренний свет не уходил из очей Бириас, и будто мягче и нежней стали очертанья ее лица.

С этого дня обостренной мыслью пред лицом смерти Пьер ловил все движенья души Бириас, пробуждал ее ум и готовил к побегу. Но он не мог оставить других трех жен, чтобы не возбуждать подозрений. Сама Бириас, согласно закону, уступала им ложе Лину Бакаба, не видя в этом ничего обидного — ревность неизвестна в стране Паруты.

Но Пьеру они стали тягостны, и только пьянящий напиток помогал преодолеть холодность к ним.

Так томительно долго и в то же время быстро шли дни, приближая для Пьера роковой срок. Он отчаялся в помощи, так как, по вычислениям Корбо, когда Пьер уезжал из Парижа, «Титан» должен был быть готов только к концу сентября. Правда, Форестье оспаривал этот срок и обещал закончить работы гораздо скорее, но Пьер не хотел обольщаться ложными надеждами и все больше и больше стремился к побегу.

Он осмотрел место своего паденья с горы Лунного духа, приблизительно находившееся в двух верстах на юго-восток от храма, и заметил ряд расщелин и каменных выступов, по которым, хотя с большим трудом, все же можно было взобраться к стене цирка. По этим мучительным ступеням можно было карабкаться только по одному человеку, что давало Пьеру возможность великолепно прикрывать свой путь выстрелами из револьвера. Толпа не могла достать его, а луков и стрел у жрецов не было.

С гребня стены цирка Пьер думал пробраться вместе с Бириас к своей палатке, где были съестные припасы, его ружье и ящики с запасными патронами. Все это рисова-

лось так ясно и четко, что Пьер сгорал от нетерпенья, ожидая той ночи, когда Бириас позовет его. Волнуемый предстоящим и тронутый преданностью Бириас, он постоянно беседовал с ней шепотом и ласкал ее. Раза два он заметил подозрительные взгляды других своих жен и понял, что за ними следят. Он стал осторожнее, во всем полагаясь на одну Бириас, и начал оказывать больше внимания женам.

Теперь истекала третья и последняя малая луна — Сай-нёр, и завтра, после полудня, ждала его смерть.

* * *

Пьер не спал всю ночь, ожидая свою Бириас. Одна из жен его, полная девушка, крепко спала недалеко от него, выпив две чаши пьянящего напитка. После безумных ласк, она ослабла к рассвету и сразу уснула. Пьер был бодр — Бириас налила в его кубок вместо напитка воды. При первых лучах она должна была придти, когда сон сокрушает самых бодрых, и в неверном еще свете бежать с Пьером по намеченным уступам.

Он напряженно смотрел в окно своего помещенья и видел, как, колеблясь, дрожала синева неба, как сжимались золотые ресницы звезд и бледнели.

— Неужели она не придет? — тянулось тоской в его мыслях, — неужели не придет?

Но вдруг что-то коснулось его плеча. Он вздрогнул и увидел Бириас, которая дрожащей холодной рукой закрыла ему рот. Сердце забилося в груди Пьера, гулом отдаваясь в ушах, и сухое дыхание с легким треском стало вылетать из его уст. Он на мгновение закрыл глаза, и потом, ступая на кончики пальцев, вышел вслед за Бириас.

Собрав всю свою волю, Пьер медленно шагал за ней. Он держал ее руку и чувствовал через тонкую кожу, как бились тревожно все ее жилки. Но она шла твердо, без всяких колебаний, будто слепая сила влекла ее. Беззвучными змеями проскользнули они мимо спящего жреца-привратника.

Они не стали спускаться по широким лестницам, но, прячась в тени храма, Бириас повела Пьера в другую сторону. Там, скрываясь в предрассветных тенях, опускалась крутая лесенка, упираясь в непонятный каменный помост. Пьер не знал почему, но ему пришло в голову, что так ночью у древних ацтеков девушки уводили обреченного в жертву под нож жрецов в темном закоулке. Он отталкивал эту мысль, но жуткие сомнения охватывали его, ему чудился шепот ожидавших убийц, и казалось, что там движутся тени. Рука его невольно ощупала револьвер, и он передвинул металлическую пластинку, поставив с «предохранителя» на «огонь».

Но Бириас все влекла его вниз. Вот и зияющий черный вход в зловещем помосте из камня. Сердце его заныло и сразу замерло, когда Бириас неожиданно остановилась. Помедлив несколько секунд, она легко перепрыгнула вбок через камень и встала на землю вправо от входа. Пьер машинально повторил тот же скачок, и они быстро обогнули каменный помост, очутившись у стены двора при храме. Медленно и осторожно они двигались к выходу.

Пьеру стало как-то не по себе, мучительны и тягостны были ему недавние подозрения. Хотелось пожать, поцеловать руку своей Бириас, но он не делал этого, так как знал, что ей это покажется неприличным. В стене мелькнула узкая ниша, и Бириас, войдя в нее, плечом нажала высокий плоский камень в углублении. Камень медленно повернулся и выпустил из стен двора. Задвинув снова каменную дверь, она спустилась в ров и поползла на коленях. Пьер последовал ее примеру. Сердце его усиленно билось — они выбрались из храма и его неприступного двора. Он видел вдаль белоснежную вершину горы Лунного духа, а там, за высоким гребнем, была его палатка.

Уже солнце взошло и обожгло первыми поцелуями косых лучей горные вершины. Незримые птички нежно звенели, будто звенели сами собой листья обступавших их кустов и деревьев. Ров кончился оврачком, поросшим орешником и серебристой ивой. Здесь пахло влагой, и было полутемно в густых зарослях. Пьер крепко обнял и поцело-

вал Бириас, в порыве немого восторга пред ее мужеством беззаветной любви.

Но она отстранила его ласки и шепнула, касаясь устами его уха:

— Лину Бакъб, у жрецов всюду глаза и уши.

Они вползли в густую рощу оливковых деревьев и скрылись между стволами.

— Теперь бежим, — шепнула Бириас, и они побежали, стараясь миновать сучья, чтобы не было шума.

Роща стала заметно редеть. Снова припав к земле, они медленно двигались туда, где опять начинались кустарники, и над которыми высился так близко мрачный склон горы, чернея трещинами и выставляя уступы. Это было то место, где Пьер думал начать восхождение.

Никогда такой подъем духа не владел им, как теперь. Всем существом ощущал он, что встает на узкую грань жизни и смерти, своей и Бириас. Мысли вихрем неслись в его голове, но больше и больше крепло его самообладание. Он снова чувствовал себя путешественником и привычным жестом рука его сжимала револьвер.

— Пусть мы погибнем, — шептал он, — но они дорого заплатят за эти две смерти!

Вдруг Бириас, будто пронзенная копьем, откатнувшись назад, припала к земле. Медленно повернула к нему искаженное яростью бледное лицо и жестом указала вперед, к подножью горы. Пьер, всмотревшись, увидел двух жрецов как раз у места его падения, там, где они хотели взобраться на гору. Жрецы, не было сомнений, сторожили это место, но смотрели в противоположную сторону от Пьера.

— Их двое, — шепнул Пьер, — и я убью их прежде, чем подспеют другие.

Но Бириас покачала головой и молча указала в кусты у подножья горы. Там в лучах солнца, на расстоянии нескольких шагов от двух жрецов, сверкали среди ветвей и листьев наконечники бронзовых пик. Это была засада.

— Жребий вынут, — подумал Пьер, — вышло: смерть!

Бириас билась в беззвучных рыданиях и, царапая землю, шептала:

— Это Лианур... Лианур предала нас... Мы умрем, Лину Бакаб...

Но Пьером овладело странное спокойствие неизбежности. Смерть решена судьбой, но как умереть, это должен решить он сам.

— Сегодня день жертвы, — думал он, — и мы придем туда, на холм с водоемом, где идол Паруты, где на стене из камня разложены белые черепа жертв.

Ему вспомнилась ярко картина первого дня в Паруте, когда погибли хартумцы. Он видел ясно и эту площадку, где под трубы скакали жрецы у каменной статуи, и где теперь врыт деревянный крест для него, для пришедшего вновь Лину Бакаба.

Ненависть к дикому изуверству отвратительной религии наполнила его грудь.

— Пусть я умру, пусть умрет и она, — неслоь в его мыслях, — но я разоблачу перед рабами этих кровопийц, я убью главных из них.

Твердый и спокойный, он властно коснулся плеч Бириас и сказал ей, верившей в его божественность, как должен говорить сын бога:

— Перестань, женщина, Лину Бакаб не боится смерти. Ты любишь Лину Бакаба, и он испытал твою веру. Нынче же, не успеет зайти солнце, я возьму тебя и унесу в своих объятиях, на груди своей, к отцу Паруте.

Бириас, будто охваченная гипнозом божественных слов, сразу затихла. Только девственно-цельным натурам, только детям природы дано так переходить из одного настроения в другое. Пламенной верой и любовью заблистали глаза ее, и она прошептала:

— Верую, господи! Пусть распнут меня вместе с тобою...

Кровью обливалось сердце Пьера, но ему было бесконечно жаль любимое им существо, и он хотел, чтобы смерть ее была легкой и даже желанной. Смутно мелькнули перед ним образы христианских мучениц, что на арене римского цирка сияли блаженством и радостью среди рева зверей и стоа умирающих.

— Бириас, жена моя, — сказал он нежно, — проводи меня на холм, к богу Паруте, чтобы никто из жрецов не заметил нас. Верь мне, дитя мое, горе им будет!

И, охваченная новым порывом, Бириас повлекла его в сторону от оливковой рощи. Задыхаясь и задевая за сучья, бежали они между оливок, потом, пригнувшись к земле, пробежали в душистых зарослях олеандра и, завернув крутым кругом, направились прямо к холму со ступенями, который наполовину выходил наружу из стен двора.

Солнце пылало над горными хребтами, в его лучах сверкали озеро и река, а там, на холме, видно было, как по каменному телу бога Паруты бегали яркими вспышками блики от водоема. Жители Паруты, вышедшие в поля для работ, с удивлением и страхом глядели на бегущих Пьера и Бириас. Все знали, что сегодня, когда солнце начнет скатываться с вершины неба, Лину Бакаб начнет свои муки за их грехи. Они остановились и смотрели им вслед, не понимая, что это значит.

Но когда Пьер и Бириас добежали до холма, любопытные кучками стали собираться туда же. На мгновение Бириас заколебалась у ступеней, на которые не могли восходить женщины и непосвященные, но тотчас же, пьянея экстазом, взлетела вверх по ступеням, увлекая Пьера.

Крик ужаса вырвался из толпы, пораженной этим кошунством. Но Бириас ничего не слышала и не замечала.

— Здесь, — воскликнула она, подбегая к идолу Паруты, — здесь три священных ножа Паруты! Их берет только главный жрец, но ты, Лину Бакаб, сын Паруты, ты можешь их взять!

Смелым движением она отодвинула камень у ног изваяния, и Пьер увидел три бронзовых ножа-ятагана, украшенных драгоценными камнями.

— Лину Бакаб, — задыхаясь, шептала Бириас, — возьми себе два, в обе руки, а один дай мне!

Пьер улыбнулся и, вынув револьвер, сказал ей:

— Бириас, дорогая моя, вот оружие бога — оно мечет молнии и убивает людей далеко стоящих. Не бойся, дитя мое, я поражу многих, и мы вознесемся на небо. Но ты не

бойся, стой смело со мной и не пугайся ни грома, ни молний, которые полетят из руки моей. И, если ты хочешь быть со мною, на небе, не отходи и не беги в страхе.

Он обнял и поцеловал ее под гул и рокот собравшейся толпы. Людские волны, рокоча многоголосным говором, будто плескались у ступеней, но никто никогда не осмелился бы наступить на самую первую из них.

Бириас, вспыхнув от ласки, упала ниц перед Пьером и, облобызав его колена, молча поднялась и все же, свершив еще преступление, сама взяла ножи. Два дала она Пьеру.

— Возьми, Лину Бакаб, — услышал он боязливую нежную мольбу, — возьми...

Пьер взял их и засунул за пояс. Бириас крепко сжала третий, и среди гула и криков толпы он слышал ее страстный трепещущий голос:

— Лину Бакаб! Я телом своим закрою тебя, но, когда ты умрешь, я пронжу свое сердце у твоих ног!..

Гулкий удар барабана покрыл все звуки. Бириас вздрогнула и побледнела, прижавшись к Пьеру. Барабан продолжал грохотать тревожными ударами, и такими же тревожными и мрачными отзвуками отвечали ему стены цирка и горы.

Пьер видел, как в храме забегали и засуетились жрецы. Но вот смолк барабан, и мертвая неподвижная тишина водворилась повсюду. На площадку храма выходили группы жрецов с ножами и пиками. При ритуале Вакаба они все должны плясать священный танец с оружием в руках.

Внезапное вдохновение охватило Пьера. Он оглядел собравшуюся толпу и, встав на камень, громко воскликнул:

— Люди Паруты! Лину Бакаб слышал стон ваших первенцев. Лину Бакаб сказал Саинур — замени первенцев и черных людей плодами маслин! И послушалась Саинур и сказала Саинур Лину Бакабу: скажи людям Паруты, что более ей неудобна кровь людей! Пусть жрецы бросят ножи, пусть только плоды оливы будут сгорать на моем алтаре!

Пьер замолчал. Народ всколыхнулся, как море, несколько минут шел гул кругом холма, но потом крик понесся отовсюду:

— Да святится Парута! Да святится Лину Бакàб! Да святится Саинùр!

Пьер сделал знак, и все стихло.

— Люди Паруты! — продолжал он, — новый закон принес вам Лину Бакàб! Лину Бакàб запрещает вам кровь жертвы и велит жрецам бросить ножи! Но жрецы кровожадны, они любят детское мясо, они притесняют и мучат чернокожих людей. Лину Бакàб говорит: — пусть освободятся рабы, пусть живут их первенцы, рождаемые в праздник святой Саинùр! Пусть ничья грудь не рассекается священным ножом и не вырывается сердце. Горе жрецам, говорит Лину Бакàб, много погибнет их от руки его! Гром и огонь сведет на них Лину Бакàб! Не давайте им ни мужчин, ни женщин, ни детей. Кровь человека неужодна богам!

Пьер видел, как на площадке храма началась паника, ибо слова его долетели до храма. Он видел, как вышел главный жрец, как ему в ужасе сообщали жрецы слышанное ими. Но главный жрец был непоколебим. Медленно подошел он к краю площадки и громко сказал:

— Лину Бакàб, сын Паруты! Час твой настал — да свершится написанное в священных таблицах. Да исполнится воля Паруты!

— Ты назвал, — воскликнул Пьер, — меня сыном Паруты! Ты не ошибся — я бог, пришедший с высокого неба! В белое тело человека вошел я, чтобы сказать людям истину...

В этот момент жрец сделал знак, и грянувший барабан заглушил голос Пьера. Человек пятьдесят жрецов стали спускаться по ступеням храма. Впереди них шли два жреца — Чибирис и Чупуцли, те самые, которые рассекли грудь хартумцев и вырвали их сердца. Около них шли трубачи. За этим отрядом, по пятам его, двинулся второй, потом третий, и длинной лентой вытягивались они из ворот храма. Медленно, блестя ножами и копьями, двигались они.

Пьер соскочил с камня. Подошел к Бириас. Белая, как алебастр, стояла она, но рука ее сжимала бронзовый нож, и огнем горели глаза ее. Смело она стала рядом с Пьером.

— Не бойся, дитя мое! — крикнул ей Пьер, — Лину Бакаб защитит тебя. Не бойся его огня и грома!

Она улыбнулась ему побелевшими губами и посмотрела на него так же, как тогда, когда впервые отдала ему душу. Он поцеловал ее и осмотрел револьвер.

Теперь жрецы поднимались уже по ступеням холма. Вот уже идут по плоскому холму, и Пьер ясно видит искаженные злобой лица Чибируса и Чупуцли. Медленно, как разоренные быки, они двигались вместе с другими на Пьера и Бириас.

Вдруг они остановились все сразу. Подняли враз все ноги и, лязгнув скрещенными клинками, испустили грозный нечеловеческий вопль. Это было так дико и жутко, что Пьер содрогнулся и почувствовал, как содрогнулась вся толпа. Руки Бириас затрепетали, и она чуть не уронила свой нож, но оправилась, и снова огонь заблестал в ее зорах.

Тишина водворилась опять, как только затих барабан. Жрецы еще стояли на месте. Чибирус и Чупуцли выступили вперед.

— Выходи к нам, сын бога, — крикнули они, — ибо час твой настал! Если не приблизишься сам, слуги господни возьмут тебя силой! Что сказано богом, должно совершиться!

— Пусть слышит народ, — громко ответил им Пьер, — ибо бог дал мне язык народа моего. Я добр, я благ и дам вам дары земные, но если жрецы не послушают меня, казню их огненной смертью!

И он вытянул вперед свою руку с блестевшим в ней револьвером. Гул прошел по толпе, а жрецы смутились, и страх отразился на их лицах. Но вот гремит труба главного жреца, и, снова лязгнув, блеснули ножи, и с диким воем двинулись жрецы, сомкнувшись в плотную кучу.

Загудела подземная музыка, загредел барабан. Медленно движутся жрецы, потрясая ножами, к статуе бога, где стоят Пьер и Бириас. Смертью веет от страшных рядов, и еще страшнее их томительный медленный шаг.

Пьер чувствовал, как холодная дрожь забежала по его телу, но напряг всю волю и, положив руку на колено ка-

менного идола, прицелился в грудь Чибируса. Блеснул огонь, и жрец, взмахнув руками, упал. Тотчас блеснуло опять, и Чупуцли, схватясь за голову, распростерся рядом. Но остальные все еще шли вперед, как обезумевшее стадо, а позади них, поднимаясь по лестницам, появлялись новые и новые ряды жрецов.

Но вот непрерывно замелькали огни из руки Пьера, и пули, врезаясь в гущу людей, били без промаха. Один за другим падали жрецы. Рев народа потряс воздух. Музыка оборвалась, и смолк барабан. Быстро меня обоймы, Пьер слал пулю за пулей. В ужасе бросились жрецы назад, но столкнулись с шедшими сзади, а пули, пробивая несколько тел сразу, наложили перед ними груды трупов и раненых.

Пьер в пылу борьбы не заметил, как все кругом стихло, как будто весь народ окаменел на месте. Он видел лишь ненавистных жрецов и посылал им смерть, решив оставить всего две пули — себе и Бириас.

Вдруг среди гущи толкущихся в давке жрецов взлетел ураган песка и дыма, и куски человеческого тела полетели в воздух. Второй, третий вихрь огня и дыма. Бросая ножи и пики, уцелевшие помчались по ступеням холма в разные стороны.

Ошеломленный и удивленный, Пьер прекратил стрельбу. Он не мог ничего понять. Он видел, как обезумевший народ, выйдя из оцепенения, мгновенно рассеялся, с криками бежал и прятался в кустах и рощах. Видел, как жрецы в панике бежали с народом, а главный жрец с остальными скрылся в храме.

Вдруг он осмыслил знакомый, из иного мира ворвавшийся звук. Будто срываясь с небесного купола, он полз по горам, отдавался в стенах цирка и наполнял воздух мерным жужжанием. Пьер взглянул вверх. Распластав огромные крылья, низко над ним кружился «Титан».

Пьер стоял неподвижно, запрокинув голову кверху, и слезы одна за другой текли по его щекам.

— Это сон, это сон, — шептал он вздрагивающими губами.

— Пьер это вы? — раздался в рупор знакомый голос.

И весь вздрогнув, но все еще не выпуская из рук револьвера, Пьер закричал, как безумный:

— Корбо! Корбо! Корбо!..

Продолжая кричать и не замечая своего крика, он побежал туда, где плавно и послушно опускался «Титан».

Корбо выскочил из каюты и бросился ему навстречу, радостно восклицая:

— Пьер! Дорогой Пьер! Как я рад, как я счастлив.

Они обнялись, но вдруг Пьер вырвался из объятий и бросился назад к идолу Паруты.

— Бириас! — кричал он, — Бириас! Где ты, моя Бириас?

Корбо побледнел, подумав, что его друг лишился рассудка, но бросился за ним следом. Форестье, переезжая трупы жрецов, подвинул свой воздушный корабль ближе к каменному идолу, где Пьер что то жадно искал, выкрикивая странные непонятные слова.

— Что вы ищете, Пьер? — кричал Корбо, схватив за руки Пьера, — опомнитесь!

— Бириас... Мою Бириас... Она спасла меня... Ее похитили!.. Похитили... — с трудом произнес Пьер и зарыдал.

Его нервы не выдержали пережитых ужасов и потери Бириас.

* * *

Прошло немало времени, прежде чем Корбо и Форестье успокоили Пьера. Он страшно ослаб, и выпив коньяку, быстро заснул на полуслове, рассказывая о Бириас. Форестье и Корбо перенесли его в каюту «Титана», и, выйдя опять, с любопытством стали осматривать таинственную страну. Косые лучи уходящего солнца огненными потоками лились между горных вершин и хребтов, освещая храм и окрестности, а кругом царила беззвучная тишина.

Слышны были только крики многочисленных петухов и кудахтанье кур. Все было мирно и тихо, и Форестье и Кор-

бо казалось, что они во французской деревне. Только трупы жрецов и кровь напоминали о недавней трагедии.

Корбо осматривал в зрительную трубу гигантские стены цирка и надолго остановился на крутом склоне, где Пьер думал совершить свой подъем при побеге. Он заметил гребень, преградивший террасу на горе Лунного духа.

— Гастон, — воскликнул он, — я узнал, где Пьер спустился в страну Паруты. Помнишь этот гребень?

Он передал трубку Форестье.

— Этот самый, — согласился тот.

Им теперь все стало понятно. В горном дуаре они не застали уже хартумцев. Узнав от галласов о стране Паруты и о белых духах, арабы в ужасе поспешили домой, не сомневаясь, что Пьер и его спутники погибли. Но галласы сначала ничего не отвечали на вопросы Корбо и лишь после угроз передали рассказ хартумцев и дали описание горы Лунного духа.

«Титан» помчался туда, и обогнув гору, увидел палатку Пьера у самого гребня. Тщетно Корбо кричал в рупор, вызывая Пьера, — из палатки никто не выходил. Не имея возможности спуститься на узкую террасу, Форестье дал мысль опустить канат и ударить по палатке. В это время они слышали отдаленный гул барабана и отголоски рева толпы, и пока они маневрировали в воздухе, стараясь зацепить канатом палатку, — неистовые звуки, то смолкая, то вновь усиливаясь, доносились откуда то из-за горы.

Но вот толстый конец каната ударил сбоку палатку и, сорвав ее с места, отбросил в сторону. Под ней никого не было. Корбо увидел в зрительную трубу только ружье Пьера и ящики с патронами и провиантом.

— Он ушел в горы! — крикнул Корбо, — обогнем, Гастон, эту вершину.

Быстро поднялся «Титан», огибая белоснежный конус горы Лунного духа. Гул барабана чуть слышно доносился к ним снизу, и вдруг из-за горы, глубоко под ними, вынырнул правильный круг вулканического цирка, блестя своим озером и утопая в зелени. Изумленные неожиданностью,

они несколько раз обогнули Паруту, опускаясь все ниже и ниже.

Ясней обозначались на дне цирка рощи и нивы; вот можно различить храм и плоский холм, окруженный народом, и жрецов с оружием в руках, движущихся к статуе, где стоят два человека. Дьявольский барабан сотрясал воздух, и слышался дикий вой. В руке мужчины блеснул огонек, и вот он вспыхивает непрерывно, а в струдившейся куче вооруженных людей падают убитые.

— Это Пьер! — радостно крикнул Корбо, и Форестье ловким маневром скользнул над наступающими жрецами и, одну за другой, сбросил три бомбы.

И вот теперь гордый «Титан» стоит среди трупов, будто среди вымершей страны.

— Что это за Бириас?—спросил Форестье.

— Это, верно, та женщина, — ответил Корбо, — которая стояла рядом с Пьером. Будем ждать, когда он расскажет нам все.

— Но где же хартумцы, — размышлял Форестье вслух, — нам в дуаре сказали, что он взял двоих.

— Я полагаю, — заметил Корбо, — что они убиты в этой схватке. Во всяком случае, мы прибыли вовремя. По всей вероятности, сегодня утром Пьер каким-то чудом сумел спуститься сюда, но не сразу попал им в лапы. Вероятно, туземцы, боясь неведомых пришельцев, не трогали их и только потом, окружив на этом холме, начали нападение.

Форестье взял в руки пояс с патронами, снятый с Пьера и, осмотрев его, сказал:

— Он успел выпустить сто пятьдесят пуль.

— Но вот, как оказалась около него женщина, — продолжал Корбо, — и как она могла спасти его? Мне кажется, что в словах Пьера наполовину бред, вызванный нервным потрясением. Бириас? Это имя звучит красиво, — добавил Корбо, — интересно, на каком языке говорят эти люди?

— А знаешь, Жан, — перебил его Форестье, — недурно бы нам перекочевать в другое место от этих неподвижных соседей.

Он указал на трупы жрецов, над которыми жужжали мухи.

Они сели в аппарат и опустились на другой холм, позади озера.

* * *

Уже день свернул свой огнисто-лазурный покров, и ночь опустила над землей свои звездные ризы, когда проснулся Пьер.

Широко открыв глаза, поднялся он с постели. Он видел стены, обтянутые бархатом, и мебель великолепной комнаты, освещенной электрическим светом. Он ожидал увидеть каменный свод своего помещения в храме, услышать гул барабана, но только не это. Несколько мгновений, как на ленте кинематографа, перед ним мелькали кошмары его жизни в Паруте. Но вот так ярко сверкнули ему глаза и обрисовались мягкие очертания лица в отсветах жертвы и подвига, ласки и нежной покорности.

Будто нож вошел ему в сердце, и он громко воззвал:

— Бириас, где ты, Бириас!

К нему подошел Корбо. Пьер сидел, зажав лицо руками, и ему представлялись все ужасы, какие могут постичь его возлюбленную. Но, стряхнув с себя малодушие и чувствуя возвратившиеся силы, он быстро встал и крепко пожал руки Корбо и Форестье.

— Слушайте, друзья мои, — начал он твердо и даже сухо, деловито, — здесь я три недели, с тех пор как скатился с гребня в эту проклятую яму...

— Три недели! — воскликнули разом Корбо и Форестье.

— Да, — продолжал Пьер, — но подробности потом. Сейчас главное одно — спасти Бириас. Это — девушка, дочь главного жреца, с небывалым героизмом спасала и спасла меня. Я знаю язык Паруты, я знаю их культ и нравы. Поэтому нужно спешить. Если вы любите меня, то знайте,

что мое спасение ничего не стоит, если мы не спасем Бириас!

— Пьер, вы влюблены, как мальчик, — улыбнулся Корбо, — но как же нам спасти ее?

— Дайте мне рупор, я выйду и вызову из храма главного жреца. Мы должны ошеломлять и терроризировать их, чтобы они привели к нам Бириас. Она мне была женой, Корбо. Два слова об этом. Вы знаете культ искиупителя у древних ацтеков, — так вот я играл здесь эту роль, и сегодня должны были меня распять. Но довольно об этом. Жизнью я обязан, прежде всего, Бириас; она открыла мне все это, она помогала мне и готовилась умереть за меня. Дайте мне рупор и поступайте по моему плану!

— Мы сейчас перелетим туда, — сказал Форестье, тронутый рассказом Пьера, — но вы раньше оденьтесь и побрейтесь, вы обросли бородой.

Но Пьер отказался, объяснив, что Бириас не узнает его, если он изменит наружность, и побоится выйти к нему.

Пропеллер «Титана» зажужжал среди бархата ночи, звуки поползли по горам и наполнили собою весь цирк Паруты. Когда Форестье направил лучи прожектора на плоский холм, то увидел, что трупы жрецов уже убраны. Неведомые руки об этом позаботились. Сделав несколько кругов, воздушный корабль опустился на холм против храма. Вспыхнул верхний фонарь, и яркая широкая полоса света легла вокруг «Титана» на десятки саженей во все стороны.

— Что же вы намерены делать? — спросил Корбо у Пьера.

— Дайте мне рупор, — ответил Пьер, — а вы, Форестье, осветите храм!

Яркий луч прожектора прорезал тьму ночи и задержался на храме. Храм освещен был как днем, видны были все мелочи скульптуры и орнамента, длинная тень от бронзовой решетки легла на каменные плиты коридора. Жрец-привратник, как заяц, метнулся от своего места и скрылся в глубине храма.

Пьер вышел из каюты и, встав впереди «Титана», громко сказал в рупор:

— Лину Бакаб требует главного жреца для переговоров.

Длительное молчание было ответом.

— Я пущу один снаряд в эту решетку! — крикнул Форестье, — я еще не пробовал нашей пушки.

— Нет, нет, подожди, — возразил Корбо, — они, может быть, ответят. Снаряд испортит интереснейшие данные для науки.

— Для Бириас я разрушу весь храм! — воскликнул Пьер, — но не бойтесь, Корбо, в этом коридоре нет никаких ценностей. Я еще раз вызову жреца.

Он приложил рупор ко рту и крикнул:

— Последний раз говорит Лину Бакаб! Пусть выйдет главный жрец для переговоров! Если не выйдет он, огонь и гром войдут в храм!

В глубине коридора замелькали какие-то тени, и вот, ослепленная светом прожектора, появилась кучка жрецов во главе с верховным жрецом. Гнев и бешенство заклокотали в груди Пьера, но он сдержал себя. Жрецы опустили на колени. Пьер, считая их фанатиками культа, решил заговорить языком их религии.

— Лину Бакаб, сын Паруты, требует, чтоб супруга его, Бириас, пришла к нему немедленно.

На расстоянии Пьер не мог видеть, что его фраза вызвала улыбки, которые мрачно зазмеились по лицу главного жреца и его священного совета. Служители богов не верили в то, во что верили рабы их религии.

— Лину Бакаб, сын Паруты, — ответил главный жрец, — Бириас не в храме. Сын Паруты, знающий небо и землю, знает больше, чем его недостойные слуги.

Гнев охватил Пьера.

— Если к утру не будет со мной Бириас, — закричал он, — в куски разрушу весь храм и сожгу вас всех на медленном огне! Как блеснет первый взгляд жгучего бога и погаснут звезды, Бириас должна прийти ко мне! Идите!

Жрецы удалились, а Пьер передал Форестье и Корбо свою беседу со священнослужителями Паруты.

— Судя по их ответу, — сказал Корбо, — они не верят в вас, Пьер, как в сына бога. Вообще, как и в наше время, так и в древности, жрецы больше верят в свою власть и в культовые обряды, чем в самих богов. Вера — удел темных овец божьего стада. Лишь боязнь потерять свою власть заставит их повиноваться...

— Так я им подсыплю страха! — воскликнул Форестье, — не бойся, Жан, я не разрушу твоих данных для науки. Но я задам перцу этому зверью. Не беспокойтесь, Пьер, мы вырвем от них Бириас!

Форестье побежал в склад. Захватив десяток сигнальных ракет и зажигательный шнур, он быстро привязал его к каждой ракете. Потом вооружившись револьвером, погасил прожектор, и во тьме, наступившей после яркого света, скользнул вниз по ступеням.

Корбо засмеялся.

— Это, действительно, испугает их, — сказал он, — хотя египетские жрецы и еврейский Моисей знали много фокусов с огнем, но пиротехник Бийо в Париже, у которого приобретены эти ракеты, побьет их рекорд!

В это время слабо блеснул огонек и побежал вверх, к дверям храма. Вслед за тем вспыхнул яркий сноп искр, осветив бронзовую решетку. С гулким шипеньем поток огня двинулся от нее в глубь коридора, освещая мрачным заревом не менее мрачные стены. Ударившись в заднюю стену храма, ракета превратилась в огненный фонтан. Но вот за ней помчалась другая, третья, четвертая. В освещенном коридоре были видны боковые ходы, ведущие в залы храма. Гул голосов и крики доносились оттуда.

Громкий вопль раздался из подземелий, когда с оглушительным треском лопнула первая ракета и красный сигнальный огонь, как кровью, залил весь храм. Одна за другой взрывались ракеты, освещая храм то красным, то зеленым, то синим цветом, создавая фантастическую обстановку среди дыма и искр.

— Задал им жару! — послышался голос Форестье около друзей, когда еще в коридоре храма шипели и горели ра-

кеты, — Пьер, скажите им, что мы послали на них огненных змиев.

Прожектор снова осветил храм. Было видно, как густой дым волнами ходил по коридору храма и медленно клубами выходил через решетку наружу. Дрогнув, луч прожектора оторвался от храма и скользил по двору. Несколько жрецов, мелькнувших вдоль стен и у калитки, показали, что они предпринимают что-то.

— На всякий случай, — сказал он, — мы будем насто-роже, необходимо поглядывать кругом. Хотя они и напуганы, но моя военная совесть не позволяет мне быть небрежным, — закончил он шутливо.

— А тем временем, — добавил Корбо, — Пьер познакомит нас с этой страной и расскажет о своих приключениях.

Пьер, хотя и через силу, так как тоска сжимала его грудь, все же приступил к рассказу.

VII.

В это время в одном из секретных подземелий храма заседал священный совет. Десять жрецов возлежали полукругом на мягких перинах, а против них, с посохом в руках, сидел на возвышении главный жрец. Дрожащие светильники пылали вдоль стен, освещая собравшихся своим колеблющимся светом.

В это помещение никто, кроме членов совета, никогда не входил. Здесь решались все дела веры и храма. Речь шла о Бириас, но никто из ненависти и презрения не называл ее по имени.

— Где осквернительница? — спросил главный жрец, сжимая в руке конец своей длинной, седой бороды.

— Она в подземелье терзаемых. Такуд и Кмер хотели приступить к пыткам, когда ты запретил ее трогать.

— Ты жалеешь в ней плоть свою, — крикнул Такуд, блестя глазами.

— Забудь, что она дочь твоя, — добавил Кмер, — дай нам упиться мщением!

Главный жрец сдвинул брови и сухим шипящим голосом произнес:

— Безумие говорит вашими устами. Вы забыли о людях огня и грома. Они — великие маги. Они истребят нас и храм из-за жалкой двуногой твари, имя которой — женщина. Лучше дадим им не одну только осквернительницу, но и других и пошлем им пьянящий напиток. Мужчины рабов и поганных варварских племен, мерзкие гурру, более несдержаны к женским бедрам, чем мы.

— Трижды прав великий Хахам, — воскликнул старейший жрец Абоаб, — силой мы не справимся с магами мерзких гурру. Но народ, избранный богом Парутой, хитрей и умней всех народов. Мы обманем людей огня и грома.

— А если это боги, — робко спросил один из совета, — они мечут молнии и подымаются в небо...

— Пусть даже боги, — возразил престарелый Абоаб, — но истинный бог наш, Парута, сильнее всех богов!

— Святые, — сухо засмеялся главный жрец, Великий Хахам, — как коротка ваша память! Этого гурру, застав его двух рабов, мы сами называли — Лину Бакаб. Вы разве забыли, что нам доносили наши соглядатаи? Разве рабы с черной кожей не шептались о том, чтобы опять не давать своих первенцев? Разве эти трое гурру, упавшие с гор, не укрепили нашу власть пред алтарем Саинур? Черное стадо поверило нам, что облака их спустили по нашей молитве. Разве забыли, как десять лет назад мы избили сто пятнадцать рабов и накормили их мясом народ? Разве тогда мы не отдали подлым рабам чресла всех девушек храма, разве жены и дочери наши не служили их женам?

— Прав, прав Великий Хахам, — зашумели кругом.

— Так вот, святые, — продолжал главный жрец, Великий Хахам, — из гурру мы сделали бога, но наше же оружие изрезало наши руки и изранило грудь. Теперь прилетели на зачарованной птице еще два чародея, а вы испугались.

Разве не было в священных преданиях сказано о волхвах и чародеях? Разве Парута не посрамил их и богов, которым служили они?

— Написано в святых таблицах из глины, — вставил Абоаб, — цари и маги Ашшура жгли, резали и топили в крови верных, гнали и изгнали их из страны Паруты. Но тогда, когда не замкнулись стены вокруг нас, и корабли, эти водяные буйволы Паруты, присылали сюда товары и вести, — разве не пало, не рассеялось в прах царство Ашшура? А Парута, Саинур и Бакаб имеют свой храм и алтари, и кровь рабов и младенцев питает их души, а вырванные сердца живым даром трепещут пред очами господа!

— Свят, свят Парута, — воскликнули все, — и благословенны Саинур и Бакаб!

— И рабы служат нам, — закончил Великий Хахам, — кровь и закон устрашают их дух, и мышцы их напрягаются в работе на нас. В поте лица они едят хлеб свой и оттирают пот с чела избранников бога. Кровью и телом их и детей их мы услаждаем гортань свою и у дев их пьем первую радость в кровавом цветке Саинур. Хотят ли святые, чтоб все это маги гурру отняли у них и взяли себе?

Долгое молчание воцарилось вокруг. Тяжелые вздохи и стоны отчаянья слышались всюду.

— Из века веков, — начал снова Великий Хахам, — цари и маги в смертной борьбе из-за жирной земли, из-за тучных стад и покорных рабов, но побеждает лишь тот, чьи боги сильнее и чей закон суровей и строже. Возносятся гурру и гибнут, как скорпион от огня, сам в себя вонзающий жало. Только верные, будто розы пустыни, сохнут на время от бед и гонений, но вновь оживают, и корень их внедряется в землю и пьет влагу, падающую с небес. Так говорят святые таблицы Паруты.

— Но что же нам делать? — с воплем воззвал Абоаб, — ум мой дряхлеет. О прошлом он знает, но то, что завтра, — ум мой молчит.

Гордо встал главный жрец, Великий Хахам, и простер посох.

— Святые, — возгласил он, — не будьте вы скорпионами, не готовьте жало свое на себя. Пусть яд ваш отравит гнусное сердце магов гурру. Пусть эти грабители, устами ложного Лину Бакàба, не расшатают и не похитят власть святых. Мы будем смиренны. Раболепством усыпим их осторожность и узнаем их тайны. Женщинами и вином опьяним врагов человеческих! Обещаем им крови и мяса младенцев, всех первенцев этой луны — Саинùр. Отдадим им осквернительницу! Они ценят женщин высоко и падки до них, если требуют только осквернительницу и не просят больше. Женщины пьянят их сердца и ум, и не видят они богатства страны — ни рабов, ни скота, ни священных сосудов, ни складов вина и фимиама... Решайте, святые!

Сказал так и сел Великий Хахам.

Тогда встал Абоаб и ответил:

— Ты прав, Великий Хахам, ибо в таблицах написано: «Склони хребет перед сильнейшим врагом и целуй прах его ног, пока гнев не пройдет его и не насытит он злобу свою. Он поставит ногу на главу твою, а сам будет есть и пить добро твое. Но когда, появши жену и дочь твою, обернет свой хребет, вонзи ему нож ниже плеча в самое сердце. Беспомощный он захрипит, а ты до семижды семи поверни нож в его сердце».

— Свят, свят Парута, — иступленно кричали все, — и благословенны Саинùр и Бакàб!

По знаку главного жреца встали и вышли.

Пройдя коридор, они вошли в подземелье терзаемых. Здесь, привязанная к деревянному брусу, стояла Бириас с сорванным поясом, в знак позора. Лицо ее светилось экстазом, она не обратила внимания на вошедших. Но жрецы не могли сдержать воплей ярости и злобы. Такуд и Кмер подбежали к ней и стали наносить удары.

Но в этот момент вбежали жрецы-привратники и с криками ужаса рассказали о страшных многоцветных огненных чудовищах, ворвавшихся в храм, о дыме и грохоте, о которых не знал священный совет в глубине подземелья. Вестники, посланные в народ, сообщили, что рабы шеп-

чутся о новом законе Лину Бакаба и не боятся угроз. Они молятся заколдованной птице и Лину Бакабу.

Все оцепенели от ужаса и бессильного бешенства, а тонкие лучи рассвета вонзились в тьму подземелья сквозь щели камней.

— Приблизился срок! — глухо сказал Великий Хахам, указывая на свет восходящего солнца.

Жрецы испустили яростный вопль, а Такуд, выхватив нож, закричал:

— Я убью ее!

Но вдруг содрогнулся храм и задрожали его толстые стены. Страшный гул прокатился по сводам. Жрецы затрепетали от страха, а Великий Хахам громко воскликнул:

— Отвяжите ее и ведите скорее к людям огня и грома!

В панике бросились жрецы, снимая веревки, и бегом через все коридоры повлекли Бириас к дверям храма. В ужасе остановились они перед облаками дыма в коридоре у главного выхода. Но потом, свернув в боковой коридор, вышли через маленькую дверь, что задвигалась камнем, на площадку храма.

* * *

Ночь приблизилась к концу, когда Пьер кончал свой рассказ. Тревога томила его сердце. Чаще и чаще он взглядывал на небо, где невидимая рука меняла небесные знаки — прямо, против него, мерцали созвездия Кита и Водолея, а сверкающий Атаир и Альдебаран, как два трепетных ока, сторожили весь мир. Но вот дрогнула тьма и заколебалась, будто ветром зашевелило одеяния ночи.

Побледнел яркий круг, лежавший окрест от верхнего фонаря «Титана», и Форестье выключил свет. Пьер взял рупор и взволнованно впился взорами в главные двери храма. Время тянулось мучительно долго, и нервность Пьера передавалась другим. Форестье сыпал проклятия и зарядил пушку. Он чувствовал себя во вражеском стане.

— Черт возьми этих дьяволов, — воскликнул он, — не будь я Гастон Форестье, если через двадцать минут не всажу к ним разрывного снаряда!

Корбо на этот раз не возражал, рассказ Пьера вызвал такое отвращение к Паруте, что борьба с кровожадными жрецами втянула и его. Он больше был знаком с древними культами, и тип жреца-деспота, который пропитан весь ложью и высокомерием, был ему ненавистен. Особенно эти сирийские жрецы маленьких государств, которые, лавируя среди сильных владык соседних империй, были хитрей и коварней иезуитов. Сам Игнатий Лойола показался бы птенцом в сравнении с ними.

— Недаром, — думал Корбо, — этот Лойола перенял статут для своего ордена от арабов, которые привезли его в Европу из Азии.

— Ффф-фу! — мощно вздохнуло рядом и сотрясло воздух и прежде, чем Корбо понял случившееся, с треском разлетелась решетка у дверей храма, гул пошел по коридору, потом глухо дрогнула земля, и грохот разорвавшегося снаряда прокатился под утренним небом.

Форестье уже готовил второй снаряд, когда из бокового выхода выскочила кучка обезумевших жрецов и попадала ниц. Но Пьер не видел своей Бириас и, не владея собой, закричал:

— Бириас! Бириас!

И вдруг она быстро вскочила из гущи распростершихся тел, которые, падая, увлекли и ее за собой.

— Лину Бакàб! — крикнула она, простирая руки, и, перекакивая через лежавших жрецов, бросилась вниз по ступеням храма.

Через несколько минут она обнимала колени Пьера и, иступленно рыдая, целовала его ноги. Корбо и Форестье, взволнованные и растроганные, молчали, избегая встретиться взглядами, а по склоненному лицу Пьера бежали слезы. Вдруг Форестье сорвался с места и скрылся в каюте «Титана». Суровый солдат и закаленный трудом рабочий, он не хотел, чтобы друзья видели его слабость. Он долго, час-

то дыша, стоял у стенки каюты, мигая глазами, пока в них не высохла соленая влага.

Корбо усиленно смотрел на жрецов, все еще лежавших на площадке храма. Они ожидали чего-то. Пересилив волнение, он хотел сказать об этом Пьеру, но тот уже овладел собой.

— Бириас, — сказал он твердо, — довольно, не плачь, встань!

И она послушно смолкла и встала с сияющими глазами в бисере слез, но плечи ее все еще вздрагивали. Пьер снял с себя плащ Лину Бакаба и надел на нее.

— Теперь ты никогда не должна быть обнаженной, — сказал ей, — у людей огня и грома не ходят нагие.

Бириас поцеловала плащ Лину Бакаба и закуталась в него.

— Пьер, они ждут чего-то, — сказал Корбо, указывая на жрецов.

— Теперь, дорогой Корбо, — улыбнувшись, ответил Пьер, — я совершенно спокоен и, как новоявленный бог этой проклятой Паруты, покажу вам народ свой. Только нужно раньше одеть Бириас, да и отдохнуть немного.

Он взял рупор и крикнул жрецам:

— В полдень, когда солнце дойдет до вершины неба, мы будем здесь. Лину Бакаб велит тогда ударить в барабан и созвать весь народ.

Но жрецы все лежали ниц, пока Корбо и Пьер с Бириас не вошли в каюту.

— А не устроить ли нам стоянку на озере? — громко спросил Форестье, — нужно пополнить запасы воды и покупаться.

— Прекрасно, — ответил Корбо, — испытаем наш аппарат на воде. Мы так спешили к вам, Пьер, что, перелетая Средиземное море, ни разу не спускались на воду.

Мерно зажужжали пропеллеры и, Бириас, побледнев, прижалась к Пьеру. Только теперь стало заметно, как измучена она. Синяки и ссадины покрывали ее тело... Как измученный зверек, забравшись с ногами на диван и закутавшись в плащ Лину Бакаба, она доверчиво прижалась к пле-

чу Пьера. Но глаза ее лучились радостью, а с лица не сходило одухотворенное сияние, которое появилось на нем еще тогда, в дни ужаса под властью жрецов.

— Да! — оживленно заговорил Корбо, — у меня с собой прекрасная белая гандура тонкой шерсти — это хороший костюм для Бириас.

— Знаете что, — подхватил Пьер, улыбаясь, — у вас, вероятно, есть с собой ночные длинные рубахи? Великолепно. Я возьму одну для Бириас. Это будет вроде хитона, а сверху — гандура. Право, это будет хорошо.

Бириас, слыша свое имя, переводила глаза с одного собеседника на другого. Что то встревожило ее, но она не успела шепнуть Пьеру, как «Титан», всплеснув воду, закачался на поверхности озера.

— Купаться! — крикнул Форестье, — здесь, надеюсь, нет крокодилов?

Пьер спросил Бириас. Та ответила, что люди Паруты не умеют плавать, но буйволы часто входят в воду у берега, и никто не вредит им. В воде есть только рыбы, которых ловят в реке особыми корзинами чернокожие рабы.

Пока Форестье купался, Корбо вытащил из дорожного сундука свою ночную рубаху. Он стоял в стороне и развертывал ее, бормоча веселым тоном:

— Мы роскошно оденем прекрасную Бириас, новую Елену-Бириас, из-за которой герой Пьер объявил войну Паруте...

Пьер улыбался, обняв Бириас, но она волновалась и, прильнув уста к его уху, зашептала тревожным шепотом:

— Лину Бакàб, твоя Бириас не хочет быть женою других богов... Лину Бакàб, не отдавай свою Бириас этим двум! Пусть они возьмут себе других жен, в храме есть много девушек...

Пьеру стало смешно, но, тронутый и взволнованный, он поцеловал ее.

— Не бойся, моя Бириас! — сказал он, — ты будешь только моей женой. Этот другой только хочет дать тебе одежды и потому говорит твое имя...

— Все же, Лину Бакàб, — продолжала она быстрым шепотом, — никогда не оставляй свою Бириас, ибо сгорела в огне Бириас и не только тело ее, но и душа и разум души любят в ней Лину Бакàба... Лину Бакàб сделал меня непонятной самой себе. У Бириас нет своего разума, у Бириас нет своего желания сердца, у Бириас нет своей сладости жизни, ибо все это в устах Лину Бакàба...

Крепко обнял ее Пьер и воскликнул:

— Корбо! Я передам вам несравненную музыку любившей души. Вы поймете, и станет понятней моя любовь к Бириас, и она сама.

Восторженно он перевел признания Бириас.

— Я встал бы на колени, — глухо проговорил Корбо, — и поцеловал бы ей руки, если бы не боялся ее испугать. Удивительная психика людей, — добавил он, — как часто среди крови и ужасов, среди мерзостей и скотства человечества неожиданно расцветают чистые безгрешные цветы...

Он молча передал нужные одежды Пьеру и вышел в кухню, затворив дверь.

— Переоденьте ее, — крикнул он оттуда, — а я предупрежу Форестье, чтоб не входил.

Поспешно переодеваясь, она шептала:

— Ты прав, господин мой, Лину Бакàб, что скрываешь мое тело, ибо жрецы говорят, что тело женщин пьянит мужчин и богов. Никогда, никогда Бириас больше не будет плясать при других.

Щеки ее пылали огнем и сверкали глаза, но, когда она оделась, бледность снова покрыла лицо ее и, покачнувшись, она упала на диван.

— Что с тобой, моя Бириас? — тревожно спросил Пьер, склоняясь над ней.

— Я не спала и не ела с той ночи, как мы бежали, — слабо прошептали ее побелевшие губы.

— Корбо, Корбо! — позвал Пьер, — она не ела вторые сутки и не спала две ночи!

Корбо и Форестье вошли в комнату. Узнав, в чем дело, Форестье бросился в склад и притащил консервированного мяса и рыбы, банку сгущенного молока и шоколад. Бириас

с жадностью голодного выпила молока, которого никогда не знала, с куском хлеба. Консервов она только попробовала, они не понравились ей, зато шоколад съела с большим удовольствием. Скоро веки ее отяжелели, чему помог стакан крепкого вина. Она засыпала, как вдруг гулкий удар чудовищного барабана заставил ее вздрогнуть всем телом.

Это жрецы созывали народ согласно приказу Пьера, Лину Бакаба. Нервное напряжение опять охватило Бириас. Она не могла спать, и руки судорожно уцепились за Пьера.

— Лину Бакаб, — умоляюще сказала она, — лети и неси меня дальше от них...

Корбо заметил ее волнение и сказал Пьеру:

— У меня есть с собой веронал, дайте ей прием с глотком вина, и она уснет. Иначе она дойдет до умоисступления от бессонных ночей и душевных потрясений.

Когда Бириас заснула, «Титан» на глазах всего собравшегося народа переплыл озеро и, быстро поднявшись, опустился на холм перед храмом.

* * *

Пьер и Корбо, выйдя на холм, увидели, что жрецы и весь народ лежат ниц.

— Разве это не самое невероятное сновидение, — говорил Пьер, обращаясь к Корбо, — этот храм в солнечном блеске, жрецы и народ, верящий, что боги сошли с небес?

— Да, — ответил Корбо, — я чувствую, что погрузился в другой мир, будто провалился сквозь незримую толщу тысячелетий и встал лицом к лицу с тем, что забыто человечеством.

— Но странное дело, Корбо, — продолжал Пьер, — мне кажется, какие то волны идут от всех этих поверженных в прахе человеческих существ! Будто, действительно, мы с вами мессии, пришедшие к ним.

Жужжащие звуки священной музыки наполнили воздух своими порханиями. Великий Хахам, медленно, во главе

процессии, вышел из исковерканных снарядам дверей храма. Пьер побледнел. Пережитые ужасы охватили его. Происходящее было так зловеще мрачно и торжественно. Он взглянул на Корбо и заметил, что и тот взволнован.

— Что же должен испытывать, — пронеслось в голове Пьера, — этот темный люд, запуганный суеверием и рабством!

Но вот будто разлетелись, рассыпались в воздухе порхающие звуки, и тишина оковала небо и землю.

Великий Хахам выступил вперед.

— Лину Бакàб, сын Паруты, — начал он торжественно, — во прахе перед тобой твой народ и слуги господни, святыя жрецы.

— Аиин Лину Бакàб, аиин Лину Бакàб, — глухо, словно из самой земли зазвучали со всех сторон возгласы лежащих.

— Лину Бакàб, сын Паруты, — продолжал Великий Хахам, — твои чудеса сняли пелену с наших глаз, наш ум прозрел. Отныне мы — слуги твои, и храм — твой храм, и девы при храме — твои девы, и священные сосуды — твои! Отныне все жертвы твои и, когда пожелаешь, к божественной трапезе будут даны тебе чистые жертвы без первородного греха, жертвы от чресл народа твоего. Мы же будем брать только крохи от стола твоего...

Великий Хахам помолчал — и, став на колени, воскликнул:

— Все у ног твоих, господь и владыка, только прости прегрешения наши!

На коленях ждал он ответа. Гневно схватил Пьер, Лину Бакàб, свой рупор, и голос его мощной трубой зазвучал перед храмом:

— Я пришел, — гремел он, — разбить ветхий закон и таблицы! Лину Бакàб создаст теперь новый закон, угодный его сердцу. Лину Бакàб любит народ свой, как мать своего первенца! Слушай народ мой, как жаль тебе плоть свою, так и мне ее жаль. Лину Бакàб говорит народу своему — запрещаю кровавые жертвы! Пусть бронзовый нож никогда не дымится от крови людей и животных у моих алтарей! Пусть

дым благовонных маслин, сгорающих в священном огне, радует мое сердце! Так говорит Лину Бакàб, сын Паруты, народу своему! Встаньте люди, и славьте богов!..

С трепетом подымались рабы, но крики радости и словословья богам звучали со всех сторон.

— Пьер, — быстро проговорил Корбо, — я рассматривал в зрительную трубу великого жреца, и не могу передать той злобы и ярости, какими пылал он и стоящие около него.

— Я думаю, — воскликнул Пьер, переводя вкратце свой разговор, — мы сотворим для них чудо и оторвем народ от этих чудовищ, — закончил он и поднял правую руку, сжимая в ней рупор.

Народ стал смолкать. Тишина, будто круг на воде, распространялась все шире и шире. Наконец, все замерло в ожидании.

— Не войду я в храм мой, — гремел рупор Пьера, — пока он не очистится от крови! Слушай, народ мой, Лину Бакàба. Если слуги мои, святые жрецы, не исполняют завета моего, я разрушу храм мой, и погибнут они под камнями его. Камня на камне я не оставлю!

Волна ужаса пробежала по толпе чернокожих рабов. Милость и угроза в их сознании были неотделимы, иначе они не представляли богов. Пьер это знал по прежним экспедициям, что по понятиям диких первобытных людей сильный всегда грозит, а не грозит только слабый.

— Идите на работы свои, — продолжал Пьер, — в полночь сегодня соберитесь у берегов озера и сложите мне алтари и сожгите мне в жертву по горсти маслин от каждой семьи. Раз в солнечный круг, в эту самую ночь, вы должны будете сжигать у священного озера по горсти маслин от каждой семьи. Идите!

Медленно расходился народ, тревожно поглядывая на жрецов. Те смиренно и безмолвно стояли на площадке зловещего храма. Впереди был Великий Хахам, окруженный священным советом.

— Смиритесь и ласкайте их лестью, — шипел ему Абоаб, — мы обманулись. Люди огня не корыстны и не жадны до женщин и крови. Проклятые гурру хотят только власти.

— Нет, — тихо, но скрежеща зубами, ответил Великий Хахам, — они умнее, чем думали мы. Маги гурру прельщают народ и снимают наше ярмо, чтоб крепче надеть свое на этих буйволов с двумя ногами. Но ласкайте их лестью, согрешите, преступивши закон, чтоб потом обмануть и истребить их. Подчинитесь их воле словами и делом, но не разумом и сердцем.

Выйдя вперед, он упал на колени и воскликнул, обращаясь к Пьеру:

— Господи и владыко, сыне Паруты, Лину Бакàб!

— Аиин Парута, аиин Саинùр, аиин Лину Бакàб, — подхватили жрецы.

— Чернокожие люди ушли, — продолжал Великий Хахам, — и сердце и ум мой отверсты, Лину Бакàб, с тобой сильные маги, тебе служит волшебная птица, и великие ты сотворил чародейства. Мы, слуги господни, самые сильные, знающие все чудеса и науки Паруты, пали во прах пред тобой. Мы владеем рабами с черной кожей, и они одевали и кормили нас, служили нам и давали нам сладкие жертвы кровью и телом и ласками дев... Возьми, отдаем тебе все, Лину Бакàб! Только слугами оставь нас, ибо мы знаем, захочешь и ты вкусить сладостной жертвы, и понадобятся слуги тебе, чтобы свершить жертвенный обряд и приготовить радость для сердца. Подлый черный народ не должен смотреть на тебя, не должен слышать тебя. Ты будешь богом, а мы только слугами. Прикажи, и исполнится воля твоя, Лину Бакàб!

Снова хор славословий подхватил слова Великого Хахама. Пьер удержал свой гнев и ответил:

— Я сказал закон свой, вы исполните его вместе с другими!

Он вошел с Корбо в каюту «Титана».

— Пьер, — произнес задумчиво Корбо, — мне гадко здесь, в этих стенах цирка, я хочу хотя бы до ночи пролететь над горами и побыть где-нибудь в другом месте.

— Знаете, Корбо, — добавил Пьер, — чем реже мы будем бывать здесь, тем страшнее мы будем для них...

— Гастон, — крикнул Корбо, — перенеси нас куда-нибудь от этих чертей, где бы мы отдохнули немного.

Аппарат загудел и поднялся в небо, провожаемый испуганными и злыми глазами жрецов.

Великий Хахам поднял свой посох и проклял волшебную птицу и магов гурру самым тяжким и страшным проклятием.

* * *

Когда Бириас проснулась, она была одна в каюте «Титана». Отсутствие Лину Бакàба оледенило ее священным ужасом перед неизвестной обстановкой. Вдруг ей показалось, что кто-то мелькнул около нее сбоку. Вздвигнув всем телом, она повернулась к стене. Там во весь рост стоял кто-то, в такой же одежде, как и она. Бириас взмахнула руками и увидела, что там, кто-то другой, сделал то же самое. Вне себя от страха, она закричала глухим, отчаянным голосом:

— Лину Бакàб! Лину Бакàб!

Но она не могла оторваться от таинственной фигуры, повторявшей все ее жесты. Она замерла на месте и следила за своим двойником. Чуть она двигалась, двигался и двойник, и Бириас, боясь шевельнуться, все громче и громче звала Пьера.

И вот за фигурой, стоявшей перед ней, распахнулась дверь, и ее Лину Бакàб появился. Он смеется и бесстрашно идет к жуткой фигуре, но невероятно, что голос его звучит позади Бириас. В смятенье она рванулась к нему, протянув руки, но пальцы ударились в незримую преграду и столкнулись с пальцами другой, такой же, как она, которая бросилась ей навстречу,

— Оглянись, — крикнул Лину Бакàб, и, оглянувшись, Бириас упала в его объятия.

Крепко и судорожно обхватила она Пьера, и испуг прошел у нее. Она улыбнулась.

— Взгляни туда, — сказал Пьер, указывая на зеркало, и Бириас увидела Лину Бакаба, в объятиях которого была женщина.

Удивленная и озадаченная, Бириас быстро взглянула на Пьера — сомнений не было: он с ней, он обнимает ее. Еще крепче прижалась к нему и быстро взглянула в зеркало — Лину Бакаб стоял и там, обнимая женщину.

— Который же ты, Лину Бакаб? — робко спросила она.

— Там ты и я, — ответил Пьер, — смотри туда и поцелуй мою руку.

Бириас, держа его руку, оглянулась к зеркалу, и там тоже Лину Бакаб протянул руку и женщина держала ее в своей руке. Бириас поднесла руку к своим губам и поцеловала, и там тоже самое сделала женщина.

Пьер рассмеялся. Они подошли ближе, и те оба пошли им навстречу. Долго Лину Бакаб говорил Бириас, объясняя зеркало и отражения в нем. Потом нашел маленькое зеркальце на столе и дал его Бириас. Поняв, в чем дело, она радовалась, как ребенок, и, не выпуская блестящего кусочка стекла, вышла вместе с Пьером из каюты «Титана».

Кругом них развернулась саванна, а Корбо и Форестье, окончив завтрак, лежали в густой траве на широкой кошме и курили сигары. Смеясь, Пьер рассказал им о случившемся.

— Ну, — сказал Форестье, — теперь покормите ее. Ваша Бириас прямо красавица. Она произведет в Париже фурор.

— Бириас, — крикнул Корбо, улыбаясь, — садись!

И он указал жестом место на кошме.

Но Бириас даже не взглянула на друзей Пьера и несмотря на то, что тот уже сидел, продолжала стоять поодаль.

— Садись с нами, Бириас, — сказал Пьер, открывая консервы, — ты должна есть и пить с нами.

— Женщина не должна, — проговорила Бириас, — сидеть вместе с мужчинами за трапезой. Она может служить за столом мужу или отцу и гостям их.

Только настойчивое требование Лину Бакаба заставило присесть ее на самом краю кошмы.

— Ты теперь супруга Лину Бакàба, — сказал Пьер, — и можешь сидеть за столом со мной и братьями моими. Я разрешаю тебе. Ты равная нам, и не бойся братьев моих — они тебе братья, как и мне братья.

— Лину Бакàб, — подумав, ответила Бириас, — скажи им, что раз они братья Лину Бакàба, они братья и мне, и я сестра им, и пусть они любят меня, как сестру, а я буду любить их, как братьев.

Она была взволнована, и грудь ее высоко вздымалась.

Дрогнувшим голосом Пьер перевел эти простые, наивные слова своим друзьям. Он видел, как самое святое, что есть в человеке — любовь к человеку — озарило их лица.

— Передайте ей, — пылко воскликнул Форестье, — что я ее люблю и буду любить, как дочь мою, что осталась в Париже! Скажите ей, Пьер, что у меня только одна Луиза, и что ей шестнадцать лет, и что Луиза ей будет подругой!..

— Стой, стой, Гастон, — прервал его Корбо, — Бириас будет подругой Пьера, и я рад, что он нашел на земле такое счастье. Я готов ей поклоняться, как рыцари поклонялись Мадонне. Скажите ей на ее языке так, чтобы она поняла нас.

Они встали и ушли в каюту «Титана», оставив их вдвоем. Бириас с довольной улыбкой выслушала Пьера и, обняв его, тихо проговорила:

— Я виновата, Лину Бакàб, я не осталась с тобой там, как ты велел, на холме... Демоны смутили меня, и я в страхе бежала, не зная куда...

Она рассказала Пьеру, что опомнилась она в храме, где жрецы схватили ее и ввергли в подземелье терзаемых. Они привязали, били ее и хотели пытать. Пьер успокаивал и ласкал ее, и она говорила, что теперь ничто ей не страшно, и что она хочет только говорить на языке богов, ибо она не понимает, что говорят братья Лину Бакàба.

Приближалась полночь. Жители Паруты, как темные тени, сходились к озеру, сжимая по горсти маслин. Они говорили шепотом. В глиняных жаровнях несли они угли и пучки сухой травы. В полночь они должны раздуть пламя и сжечь на священном огне по горсти маслин от каждой семьи.

В эту священную ночь навсегда избавлялись они, их дети и внуки, из рода в род, от человеческой жертвы. Сам бог возгласил это, и в полночь они заключат с ним завет. Они шептали молитвы и плакали. Жрецы, злобно шнырявшие всюду, не смели мешать им и только ворчали проклятья, поблескивая тусклою бронзой своих ножей.

Весь день совещался в храме священный совет, но и сам Великий Хахам стоял теперь на площадке храма и смотрел в небо. Обманывая народ и устрашая его обрядами, он все же верил. Губы его шептали заклинания против демонов и молитвы Паруте. Бог должен был спасти свой избранный народ и посрамить магов гурру. Он знал, что, лишь зажгутся огни и запылает жертва из маслин, падет его власть. Только истребив гурру, жрецы мечом и копьем восстановят в народе истинную веру.

Он верил в правду свою и ждал чуда Паруты.

Но вот осветилось все озеро, по всем берегам его запылали жаровни, и яркое пламя охватило плоды маслин, питаясь их маслом. Радостный гул толпы донесся до Хахама, и, заскрежетав зубами, он вырвал клочок седой бороды и разорвал одежды.

Крики священного трепета ворвались в тишину ночи. Он взглянул на небо и увидел медленными кругами плывущий огненный крест.

Это неся «Титан», освещенный верхним светом, который обвел пылающей каймой края его корпуса и лежащие накрест к нему могучие крылья.

Тишина мертвая и страшная охватила Паруту. Ниже, ниже спускался крест, рокот моторов долетел до земли, и яркий огненный луч, горя и ослепляя, как божья рука, опустился на землю и обошел ее всю. Но вот он погас, и будто

огненный костер падал с неба на средину священного озера.

Из огня его гремит трубный голос Лину Бакàба:

— Народ мой исполнил завет, и я иду к нему с неба.

Спустившись, пылающая волшебная птица отплыла вдоль берега озера, затмевая свет ярких костров, и голос говорил из нее непрестанно:

— Отныне народ мой свободен от крови. Кто нарушит завет, тот погибнет.

Потом волшебная птица отплыла к середине, и сразу погасли огни ее, а длинный пылающий луч остановился на храме, осветив стоящих жрецов.

— Я вижу храм мой, — слышался голос, — но он не очищен. Пусть приблизятся жрецы, мои слуги. Пусть подойдут к берегам озера.

Все замерло в ожидании. Чувствовалось, что множество глаз приковались к жрецам, что темные души трепещут от страха. Не сразу тронулись с места жрецы. Полные смятения и злобы, шли они за главным жрецом.

Кмер и Такуд шли перед Великим Хахамом. Луч света скользил по их пятам и держал их в огненном плену. Медленно подошли они к берегу и стали у самой воды. Свет слепил им глаза, а длинные, бронзовые ятаганы сверкали за поясом у Кмера и Такуда.

— Лину Бакàб, — снова раздался голос, — милостив, когда исполняют заветы, но страшен он в гневе, когда нарушают заветы. Разве забыли жрецы, что Лину Бакàб в день, когда он посылал огненную смерть, запретил убивать людей?

Трепет охватил жрецов, и они стояли недвижно.

— Кмер и Такуд! — прогремел голос, — вы взяли ножи для жертвы от Чибириса и Чупуцли?

Жрецы молчали, падая ниц.

— Встаньте, Кмер и Такуд!

Они встали, дрожа от страха. Мгновенно погас яркий луч, но запылала огнями вся волшебная птица и быстро приблизилась к берегу. Освещенные верхним светом «Титана», лежали жрецы на земле. Только Кмер и Такуд стояли, сверкая ножами.

— Подойдите к воде оба, — сказал трубный голос, — Лину Бакàб хочет судить вас.

Жрецы приблизились.

— Я запретил вам кровавую жертву, но вы опоясали чресла ножами Чибируса и Чупуцли. Бросьте ножи далеко в воду и прокляните кровавую жертву!

— Тебя проклинаем, ложный Лину Бакàб, — крикнули они в ярости, но раздался двойной сухой треск, и оба они, качнувшись вперед, упали в воду.

Подавленный крик пронесся по толпе, а в воде, пронизанной электрическим светом, видно было, как, оставляя, полосы крови, медленно погружались в темную бездну два трупа.

— Народ мой видел, — прогремел голос, — как Лину Бакàб карает нарушивших завет. Лину Бакàб охранит народ от всех, кто нарушит завет. Не бойтесь жрецов, идите и живите в мире!

Снова погасли огни, и темная волшебная птица, отделившись от озера, при радостных криках славословий исчезла во тьме неба.

Жрецы поднялись и в бессильной ярости посылали проклятья народу. Но вот и в народе возвысились голоса:

— Мы давно не давали вам жертвы, но вы силой брали у нас!

— С нами не было бога, и мы боялись вас. Но пришел Лину Бакàб и спас наших детей.

— Сто пятнадцать отцов, матерей и детей вы убили, когда они не дали первенцев!

— Вы любите мясо людей, так режьте детей своих, а не наших!

— Лину Бакàб запретил!

Вдруг вопль жрецов покрыл все крики, и ножи их, скрепящая клинки, страшно лязгнули среди ночи.

— Мы истребим нечестивых, — закричал Великий Хахам в ярости, — пусть приходит ваш Лину Бакàб и воскресит мертвых!

Паника охватила народ, и многие побежали, скрываясь в кусты и за деревья, но еще больше людей схватилось за

палки и камни. Блеснувший издалека ослепительный луч ободрил рабов, и, отбиваясь палками и бросая камни, они, как те сто пятнадцать, погибших когда-то, вступили в отчаянный бой. Жрецы их теснили, но, отходя к деревьям, восставшие хватили каменные топоры и ножи и дрались у своих очагов. Гуще и гуще становились ряды их, и, хотя устилали землю убитые и раненые, они смелей и смелей нападали.

VIII.

Сверкая огнями, стоял, «Титан» на гладкой возвышенности, поросшей с краев пробковым дубом, платаном и дикими каштанами. Здесь, в этом месте, у подножья горы Лунного духа, Пьер отослал свой караван во главе с Ибрагимом в горный дуар галласов.

Бириас спала в отведенном ей помещении, в отделении для складов и провианта. Мужчины сидели за столом. Они были взволнованы и расстроены.

— Противно и глупо, — говорил Пьер, — выбивать зверские суеверья, прибегая к фокусам.

— Я предпочел бы, — заметил Форестье, — подсыпать мелиниту в это дьявольское сооружение и сразу послать его к черту со всеми жрецами.

— Друзья мои, — возражал Корбо, — мне одинаково тяжело и отвратительно убивать и обманывать. Но нам или все бросить, или окончить начатое. Не забывайте, что между ними и нами лежат тысячелетия! Мы никогда не пойдем друг друга.

— Бросить? — пылко подхватил Пьер, — но это значит восстановить этот варварский культ с человеческими жертвами! Вспомните Кмера и Такуда, которых мы застрелили!

— А, не беспокойтесь, — возразил Форестье, — как только узнают о Паруте, придут экспедиции, а потом фран-

цузские, английские и другие купцы. Включив Паруту в колонии, они еще крепче зажмут их, чем жрецы, и обратят в рабочий скот,

— Да, — задумчиво проговорил Корбо, — закон эволюции одинаков для всех стран. Всякий народ должен пройти неизбежную лестницу. Мы можем только облегчить пути. Все же, пожалуй, Пьер более прав, чем мы.

— Спасибо, Корбо, — воскликнул Пьер, — во мне течет кровь русских революционеров, и я не могу остаться бездейственным, когда одни угнетают других. Мне противно рядиться в одеяния бога, но я не вижу другого исхода.

— А если так, — проговорил Форестье, — то на войне нужно быть, как на войне! Мы должны забыть сантименты. Охотясь на тигра, нам нечего плакать об его осиротевших тигрятах.

— Как ни жестоко, — заговорил, помолчав, Корбо, — но мы, делая вывод из наших мыслей, должны истребить всех жрецов. Разрушить храм и создать для темных масс что-то новое взамен религии.

Долго друзья обсуждали и толковали о планах реформ для Паруты и заснули с рассветом. Пьера, когда он остался один со своими мыслями и закрыл глаза, охватило странное чувство.

— Ведь это сказка, — неслоь в его мыслях, — может быть, я еще сплю в своей комнате, там, недалеко от Парижа, в загородной вилле Корбо? Но «Титан», но Бириас? — воскликнул он, широко открывая глаза.

Экваториальное солнце жгучими лучами врывалось в окна каюты «Титана», а рядом спали Корбо и Форестье. Пьер зажмурился от яркого света и заснул.

* * *

Горело и пламенело чудесное африканское небо, а в его голубых волнах, мерно жужжа моторами, плыл «Титан».

Пьер жадно смотрел вниз, откуда, кружась и качаясь, приближалась к ним страна Паруты.

Взволнованный предстоящей решительной битвой с жрецами, Пьер не отрывал глаз от земли. Вот блестит озеро, вот холм, храм...

— Но что это за точки бегают по священному холму?

Они бегут к храму и там вливаются в темные волны, что плещут у самых главных дверей, кольцом охвативши весь храм.

— Корбо! — крикнул Пьер, — смотрите!

Внизу развернулось интереснейшее зрелище, жутко волнующее. Охваченные энтузиазмом вчерашние рабы героическим приступом брали храм. Но жрецы не сдавались. Для них не было выхода, кроме победы. Яростно сверкали их бронзовые ножи и наконечники копий. Бой длился давно, судя по бешеному упоению обеих сторон.

Всюду валялись раненые и убитые, трупы лежали и на священном холме, и на берегу озера.

Но восставшие, сражаясь дубинами и каменными топорами, вырывали из своих убитых и раненых копья и обращали их против жрецов. Крики и вопли неслись снизу, и вдруг страшно и грозно загудел барабан. Гремел удар за ударом, отдаваясь в горах. Восставшие дрогнули и стали отступать.

Перед глазами Пьера скользнула черная точка, и через несколько мгновений, рассевшись в дыму и огне, рассыпалась верхушка у храма, убивая камнями жрецов. Дикий вой понесся снизу, но барабан гудел и гремел, не сдаваясь. Целыми стаями замелькали черные точки, и гул взрывов и столбы дыма окутали храм. Бешеный танец танцевал «Титан» в воздухе. Тщетно кричал Корбо что-то в рупор Гастону, — не было слышно никаких звуков среди взрывов и грохота бомб.

Пьер чувствовал, как в страхе прижалась к нему Бириас, но не мог оторваться от ужасного зрелища. Казалось, внизу на месте храма клочкотал проснувшийся вулкан. Люди бежали от него прочь, но борьба продолжалась. Он видел, как народ преследовал жрецов, настигал и убивал, разры-

вая в куски, а бомбы все рвались и рвались в развалинах храма.

Трудно сказать, сколько времени длился этот жуткий кошмар, но «Титан», вдруг поднявшись, стал описывать медленные круги в воздухе. Смолк ужасный гул взрывов, и на месте храма плыли клубы дыма, что-то горело в его развалинах, и языки пламени, вырываясь из-под земли, облизывали камни.

Странные мысли, как тучки, гонимые ветром, неясно и расплывчато неслись в голове Пьера, и он крепко сжимал руку своей Бириас. Перед ним рушился целый мир прошлых тысячелетий, каким-то чудом доживший до нас. Ужасы крови и призраки страшных богов мелькали в клубящемся дыме, но дым и огонь, порожденные современной наукой и техникой, были ужаснее прежних богов.

— Теперь всюду новые боги, — думал Пьер, — алтари их усыпаны золотом, банкнотами и чеками, а троны богов сложены из разных гроссбухов и других бухгалтерских книг. И всюду, где дымят фабрики и пылают топки под огромными котлами, где стучат дизель-моторы и гудят динамомашины — там еще вьются и мелькают эти призраки страшных богов, жаждущих крови людей...

Но вот рука его дрогнула — нежные губы Бириас приникли к ней долгим лобзаньем. Сладкая нега охватила грудь Пьера, и запела душа его. Любовь, великая стихия, окутала мир его мысли. Будто яркий светоч внесли во тьму человечества.

— В буре и грозе мы родимся, живем и умираем, — шептали его губы, — но как хорошо человеческое в человеке! Из века веков оно живет в нас и тогда, когда раскрываются пасти болохов.

Он крепко обнял Бириас и, целуя ее, воскликнул:

— Через грань тысячелетий перекликаются люди и сердце находит путь к сердцу!

Корбо с удивлением взглянул на него, но в это время «Титан» всплеснул, опускаясь в священные воды тихого озера.

— Конец! — вскричал Форестье, возбужденно вскакивая в каюту, — боги погибли, люди начнут воскресать!

* * *

Несколько дней хоронили убитых и несколько дней горел храм, где были громадные запасы масла, благовонных смол, вина и пшеницы.

— Но ведь у жрецов были жены и дети, — говорил Форестье, — когда они вчетвером осматривали развалины, — неужели все они погибли здесь?

— Были, ответил Пьер, — но я знаю от восставших, кто не убит нами и не сгорел, убит ими, не исключая женщин и детей. Они поступали не хуже, чем мы. Ведь мы действовали, как обычные культуртрегеры — убивали, разрушали и на кончике штыка дарим культуру.

— Что же мы будем делать дальше? — спросил Корбо, — от храма ничего для науки не осталось, язык и культ изучены Пьером, а Бириас, кроме того — живой источник языка и преданий...

— Мы им дали законы, — добавил Пьер, — и наше присутствие только повредит делу. Если уж они хотят что-либо обожествлять, то пусть только не нас персонально. Ей богу, скучная история быть богом!

— Смотрите, смотрите, — засмеялся Корбо, — вон там уже прокрадываются наши поклонники и творят нам молитвы.

— Я бы с удовольствием вернулся в Париж, — проговорил Форестье, — вот разве разбить только их скорлупку и открыть им небольшую дорожку в люди?

— Что ты этим хочешь сказать? — спросил Корбо.

— А вот пойдемте сюда, — ответил Форестье, — или лучше я вас доставлю туда на «Титане». Помнишь уступы, где Пьер, замислив побег, собирался карабкаться вверх? Так вот, я давно разглядывал это место. Стена цирка здесь как-то особенно пориста. Маленький ручеек, который бежит от-

туда по ту сторону в долину, видимо, горячий, — над ним постоянно клубится пар. Это и обратило мое внимание. Но отправимся туда.

Через несколько минут они были около стены цирка, где были в засаде жрецы в то ужасное утро, когда их заметила Бириас из оливковой рощи. Вернее, это была не стена вулканического цирка, а навалившиеся груды скал от землетрясения, и закрывшие существовавший ранее выход в долину.

Форестье с жаром доказывал, что, если заложить хорошие дозы мелинита в глубокую пещеру внизу, а кроме того в некоторые расщелины, то вся эта чертовщина взлетит на воздух и снова откроет выход в долину.

— Ну, зачем это, — протестовал Корбо, — они живут здесь прекрасно, никто их не трогает, жрецы истреблены, зверей нет. Пусть это будет чем-то вроде первобытного рая.

— Черт возьми! — волновался Форестье, — при всем моем преклонении пред тобою, Жан, ты не прав! Во-первых — их жрали жрецы, держали кроме того в рабстве, они умирали от непосильных работ. Но вот им никто не мешает, никто не убивает и так далее. Через сотню лет они расплодятся, как кролики, в этой дьявольской норе, земли и хлеба не хватит, и они начнут жрать друг друга! Во-вторых — не везти же нам обратно в Париж ту уйму тротила и мелинита, что я набрал с собой!

Корбо искренне расхохотался, переглянувшись с улыбающимся Пьером.

— Гастон, — весело крикнул он, — признаю себя победленным! Твори новые пути, если тебе это нравится.

Увлеченный своей идеей, Форестье тотчас же начал работу. Один за другим он вытаскивал ящики с тротилом и мелинитом и закладывал их в стене. Пироксилиновые шашки тоже пошли в ход.

— Я очень доволен, — заметил Пьер, — что эта идея пришла в голову Форестье. Я даже и не представлял, что «Титан» такой взрывчатый снаряд. Зачем он набрал всего этого?

— Он мечтал делать какие-то опыты со взрывами на расстоянии, — ответил Корбо, — в самом деле, нам лучше избавиться от этого опасного груза. Я пойду в каюту и кое-что впишу в свой дневник, пока он возится с этой затеей.

Когда Корбо скрылся за дверью, Пьер, охваченный беспричинной тоской, обнял Бириас и грустно проговорил:

— Бириас, тучи окутали мне сердце. Сядем здесь вот в тени, а ты спой мне тихонько свою песню.

Положив ей голову на колени, он слушал странные, тихие мелодии, а глаза его тонули в бездонной синеве неба. Нежная рука ласково проводила по его лицу.

— Тысячи, тысячи лет, — думал он, — это небо так же ласкало глаза человека, и все они в этой земле, на которой лежу я. Тысячи и тысячи лет оно будет сиять в вышине и после меня,

Ему чудилось, что он лежит теперь на какой-то узкой, узкой грани, тоньше, чем бритва, что это острое лезвие и есть настоящее, а по бокам его две бездны: прошлое и будущее. Он не знал, почему и зачем он думал об этом, но мысли приплывали откуда-то и вновь уплывали. Незаметно тоска переплавилась в сладкую грусть, — он закрыл глаза.

— Пусть я — мгновенье, — складывалась новая мысль, — но как много вечностей в этом мгновении!

Низко склонилось над ним дорогое и прекрасное лицо, и ласковой волной, будто материнским объятьем, охватил его тихий, заботливый шепот:

— Ты спишь, мой Лину Бакàб?

— Готово, — крикнул Форестье, — садитесь!

Медленно поднялся Пьер и, все еще овеянный грустной грезой, в дымке которой еще ближе и дороже была ему Бириас, вошел с ней в каюту «Титана». Словно слившись с ним своим сердцем, она также грустно и сладостно припала к его плечу. Вдвоем, будто одни во всем мире, они сидели на бархатном диванчике.

Выше и выше поднимался «Титан». Вдруг глухой гул и грохот прекратился внизу, но не смолк. Наоборот, новый гул, более грозный, потряс воздух. Пьер и Корбо бросились к окнам. Горные вершины колебались, шатались, как пья-

ные, видно было, как расседились и трескались они, роняя скалы и груды камней.

— Землетрясение, — крикнул Корбо, — взрыв разбудил уснувшие силы вулкана!

Пьер хотел что-то сказать, но в этот момент, будто огромный пузырь, вздулась земля Паруты и треснула, скрывшись в дыме и пламени.

Страшным толчком подкинуло кверху «Титана». Кружась и вертясь, он неся куда-то. Все смешалось в безумный хаос, а отскочившая дверь каюты жуткой бездной зияла в стене. Мебель и вещи с грохотом и звоном катались внутри воздушного корабля, и вдруг, когда дверь оказалась внизу, Бириас, сброшенная с дивана, стремглав полетела в бездну...

— Бириас! — закричал Пьер, бросаясь за ней, — Бириас!

Но все исчезло куда-то, и было так странно и непонятно. Пьер удивлен был, что неожиданно, почти внезапно, прекратилось паденье. Снова он лежит на диване, электрическая лампа матовым светом горит в каюте. Перед ним Корбо с сигарой в зубах и какой-то лысый господин в золотых очках.

Пьеру казалось, что он теряет рассудок.

— Корбо, — крикнул он, но голос прозвучал тихо и слабо, — что случилось? Где Бириас?

— Все хорошо, все хорошо, — говорил лысый человек, — не беспокойтесь и не волнуйтесь.

Пьер долго и пытливо обводил глазами знакомую комнату. Сомнений не было. Это — вилла Корбо, это его комната. Он лежал в кровати.

— Но как я попал сюда? — думал Пьер, напрягая всю память, — и где «Титан», где моя Бириас и Форестье?..

— Выпейте! — сказал лысый.

Пьер выпил какую-то жидкость. Несколько минут он сидел неподвижно.

— Так это лишь сон? — горестно воскликнул он, — и ты, Бириас, только сон?

Слезы медленно поползли из-под его ресниц и покатались по щекам.

— Вы скверно спали, — сказал радостным голосом Корбо, — это длилось неделю. Вы заболели внезапно, во время разборки коллекций,

— Но, молодой человек, не бойтесь, — успокаивал лысый, — это лихорадочная желтуха, болезнь Вейля. Она прошла. Будьте спокойны, через два дня вы встанете на ноги. Не правда ли, вам уже лучше?

Но Пьер не слушал их.

— Да. Спасибо, — проговорил он, — я хочу спать.

Он повернулся и лег лицом к стене.

— Бириас, — шептали беззвучно его губы, — грёза моя, мое сновиденье, дорогая моя Бириас.

О Валерии Язвицком и «Горе Лунного духа»

Валерий Иоильевич Язвицкий (1883-1957) родился в селе Орлов-Гай Самарской губернии в семье земского врача. С детства отличался буйной фантазией, за всевозможные выходки был исключен из саратовской и пензенской гимназий. Окончил Вторую казанскую гимназию, поступил на историко-филологический факультет Казанского университета. Работал секретарем в газете «Волжский листок», писал стихи, рассказы, пьесы.

В 1904 г. вступил в РСДРП; за участие в революционных событиях 1905 г. был сослан в Мезень, где обвенчался со своей двоюродной сестрой В. И. Лапковой, издавал газету «Мезенский листок», играл в любительском театре и занимался революционной пропагандой. За организацию забастовки на лесопильном заводе был приговорен к ссылке на о. Моржовец в Белом море, однако скрылся от полиции и затем по поддельным документам бежал за границу.

В Женеве некоторое время жил в квартире В. И. Ленина, сблизился с видными политэмигрантами. Одновременно поступил на второй курс естественного факультета Женевского университета и продолжал заниматься литературной деятельностью. По окончании университета в 1910 г. отправился в Болгарию, работал в био-

логической лаборатории проф. П. И. Бахметьева, изучая проблемы анабиоза насекомых и животных.

В 1912 году пересмотрел свои политические взгляды, вышел из РСДРП. Стал собственным корреспондентом газет «Русские ведомости» и «Утро России» в Болгарии, а после начала Первой мировой войны — в Румынии и Сербии. Писал этнографические и искусствоведческие статьи. В 1914 году уехал на фронт в качестве военного корреспондента. Осенью 1915 года вернулся в Россию.

После революции 1917 г. публиковался в колчаковских газетах, затем служил в РККА. Позднее работал в Наркомпросе, публиковал научно-популярные брошюры; в 1922 г. недолгое время издавал литературно-художественный и научно-популярный журнал «Жизнь» (вышло три номера). В 1930-1931 гг. принимал участие в издании 3-х томной «Жизни животных по А. Э. Брему». Во время Второй мировой войны оставался в Москве, служил начальником ПВО одной из зон города.

Творческое наследие Язвицкого включает пьесы, исторические романы (наиболее известный из них — эпопея «Иван III — государь всея Руси», 1946-1955), фантастические повести и рассказы, чаще всего с научно-популярными элементами. Повесть «Остров Тасмир» (1927) относится к «географической» фантастике.

Роман «Гора Лунного духа» был впервые издан в 1924 году под названием «Побежденные боги» — и встречен резкой рецензией в журнале «Книга о книгах» (№ 7-8, 1924):

Роман довольно объемист, но писать о нем надо кратко, т. к. он — «по ту сторону литературы». Проще говоря, это открывенная макулатура. Передавать содержание романа — «сна» «молодого русского ученого Пьера (sic) Сорокина», заболевшего «лихорадочной желтухой» во время разборки коллекции, и увидевшего, — в бреду, некую Бирнас, красавицу-туземку затерянной в глубинах Африки страны и т.д. — не стоит. По фабуле сон этот банальнее кинофильма захолустного кинематографа, по форме — гимназичен, по идеологии, мягко говоря, бульварен...

Действительно, роман пестрит штампами поджанра «затерянных миров» — африканская экзотика, мрачный храм с кровожадными

жрецами, языческие церемонии, любовь туземной красавицы (непременно дочери «главного жреца») и т.д.; не слишком спасает положение фантастический самолет с двигателями, работающими на «энерготоне» – веществе, подобном «сгущенному глицерину». Этот небывалый самолет с его мощной пушкой, пулеметами, бомбами и «уймой тротила и мелинита» на борту Язвицкий, в чем рецензент прав, описывает с истинно гимназической увлеченностью.

Так же увлеченно, в духе юношеских эротических мечтаний, описаны и сладострастные пляски нагих девушек, и любовные забавы героя с четырьмя женами («Тела их были стройные, но пышны, с широкими бедрами, упругие груди вздымались кверху... Бириас была выше и стройнее других, но и в ней, как в остальных, будто кипело и клокотало сладострастие, наполняя все тело, разливаясь в гибких, скользящих движениях стана» и т.д.).

Несколько неожиданным аспектом романа является христианская линия: у народа затерянной «страны Паруты», несмотря на кровавые жертвоприношения и поклонение светилам, как оказывается, существуют представления о верховном божестве и страдающем божественном сыне – спасителе человечества. Роль новоявленного Христа и уготована главному герою, выросшему в эмиграции молодому русскому ученому Пьеру Сорокину. Характерно, что хотя религия обитателей Паруты никак не напоминает иудаизм и сравнивается попеременно с ассиро-вавилонскими, древнеегипетскими и ацтекскими верованиями, глава жрецов носит иудейское имя или титул «Великий Хахам» (ивр. «хахам» – мудрец), старейший жрец – иудейское же «Абоаб», народ Паруты именуются «избранным» и пр. Кульминационная сцена отказа от человеческих жертв, падения власти жрецов и покаяния старого бога дана в открыто христианских тонах: «Он взглянул на небо и увидел медленными кругами плывущий огненный крест... Тишина мертвая и страшная охватила Паруту. Ниже, ниже спулся крест, рокот моторов долетел до земли, и яркий огненный луч, горя и ослепляя, как божья рука, опустился на землю и обошел ее всю. Но вот он погас, и будто огненный костер падал с неба на средину священного озера». Впрочем, Пьер сейчас же дезавуирует «христианское» содержание переворота, объявляя полеты и атаки самолета «Титан» и собственную роль спасителя «фокуса-ми».

Пьер, однако, вполне готов пожертвовать собой во имя спасения страдающих рабов от «зверских суеверий» жрецов. Картина страдающего ради «истины» героя и гибели его вместе с возлюблен-

ной перед храмом, жреческих жертв «Господу Солнца» и охваченной жаждой крови и похотью толпы уже встречалась в трагедии Язвницкого «Храм Солнца» (1922), и в ней – ключевой для автора образ. И наконец, сама затерянная страна вполне классически гибнет в природном катаклизме; на последних страницах романа автор – надо сказать, довольно беспомощно – объясняет фантастическое африканское путешествие «сном» заболевшего Пьера. Несмотря на все недостатки, роман В. Язвницкого был переиздан в 1927 г. под названием «Гора Лунного духа (Побежденные боги)», что может свидетельствовать об определенном успехе книги. В нашем издании роман публикуется по второму изданию (Л.-М.: Книга, 1927); в тексте исправлены очевидные опечатки и ряд устаревших особенностей орфографии и пунктуации. На фронтисписе воспроизведена обложка работы худ. Пшеничникова.

В. Барсуков

Оглавление

Гора Лунного духа	6
<i>В. Барсуков. О Валерии Язвицком и «Горе Лунного духа»</i>	115

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.